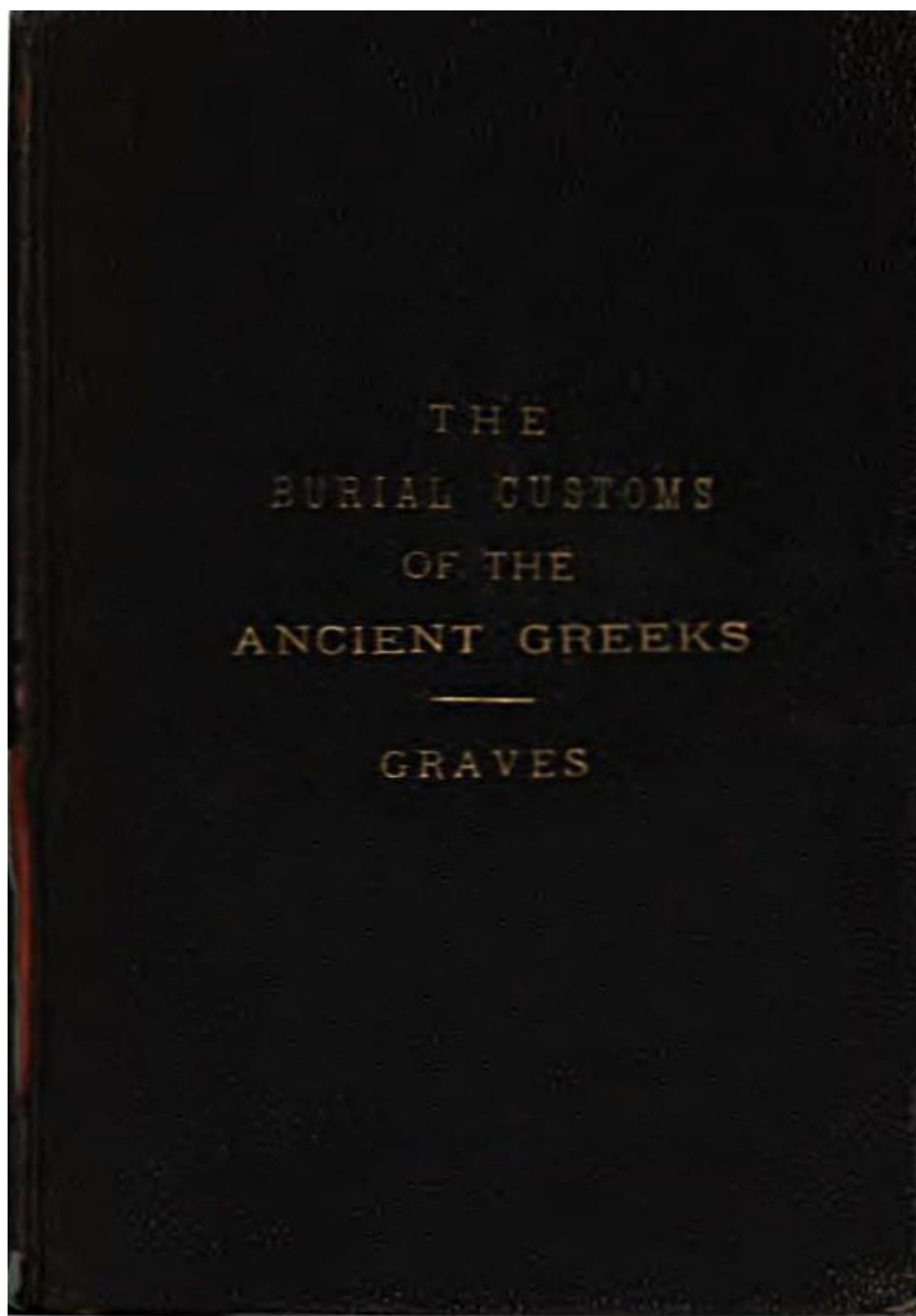

Погребальные обычаи древних греков

Фрэнк Пьеррепонт Грейвс

The Project Gutenberg eBook of The Burial Customs of the Ancient Greeks.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Погребальные обычаи древних греков

Автор: Фрэнк Пьеррепонт Грейвс

Дата выхода: 12 июля 2015 [eBook #49431]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено deaurider, Elisa и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE BURIAL CUSTOMS OF THE ANCIENT GREEKS ***

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ.

ДИССЕРТАЦИЯ ФРАНКА ПИРРЕПОНТА ГРЕЙВСА,

КОЛУМБИЙСКИЙ КОЛЛЕДЖ.

БРУКЛИН.

Май 1891 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор этой диссертации не претендует на глубокую эрудицию или обширное исследование. В ней могут содержаться ошибки, заметные внимательному студенту, изучающему греческую археологию, даже если не подвергать работу тщательному анализу. Материал был разбросан в трудах древних и современных авторов, в отчетах о многочисленных раскопках и сокровищах многих музеев. В процессе сбора информации из столь обширной области вполне естественно, что в работу могли вкратиться ошибки. Были предприняты усилия, чтобы исключить как можно больше ошибок и отсеять те, которые могли быть обнаружены с таким усердием, какое позволяла неопытность автора. Труд по составлению был проделан в надежде, что связный рассказ об этих древних погребальных обычаях может вызвать

интерес к предмету и послужить стимулом для более широкого изучения некоторыми, чье любопытство может быть недостаточно сильным или чье свободное время может быть недостаточно, чтобы собрать то, что было так широко разделено.

АВТОРИТЕТЫ.

Помимо авторов Древней Греции, при подготовке данной диссертации были использованы следующие источники:

ANACHARSIS, Travels of, Par l'abbe Barthélemi. Английский перевод, Лондон, 1800.

BECKER, W. Adolph, Charicles, or Illustrations of the private life of the Ancient Greeks. Экскурс в погребения.

BENNDORF, Griechische und Sicilien, Vasenbilden.

BOS, Antiquities of Greece, London, 1772.

CORPUS INSCRIPTIONUM GRAECAE, Edidit Augustus Boeckh, Berolini.

COULANGE, La Cité Antique.

DODWELL, Edward, Classical and Topographical Tour through Greece, London, 1819.

FEYDEAU, Histoire générale des usages funébres et des sepultures des peuples anciens, Paris, 1858.

FORBIGER, Populäre Darstellung des öffentlichen und häuslichen Lebens der Griechen und Römer. I Band, Leipzig, 1876.

GARDNER, Percy, Journal of Hellenic Studies, vol. v.

HERMANN, Lehrbuch der Griechischen Privatalterthümer von K. F. Hermann. Dritte Auflage von Dr. Hugo Blümner, Freiburg, 1882.

MAHAFFY, J. P., Rambles and Studies in Greece, второе издание 1878 года.

MERRIAM, A. C., American Journal of Arch. v. Icaria.

MILLIN, A. L., Peintures de vases antiques vulgairement appelés Etrusques tirées des différentes collections.

МИТЧЕЛЛ, ЛЮСИ М., История античной скульптуры.

MILLINGEN, J. V., Painted Greek Vases, London, 1822.

PERROT et CHIPIEZ, Histoire de L'art dans L'antiquité, Tome premier, L'Egypte.

POTTIER, EDMOND. Étude sur les Lecythes Blancs Attiques à Représentations Funéraires. [Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome, Tome 30].

ROBERTS, E. S. Introduction to Greek Epigraphy, Cambridge, 1887.

Шрайбер, Бильдератлас и комментарии.

ШТАКЕЛЬБЕРГ, барон. Die Graeber der Hellenen, Berlin, 1837.

ST. JOHN, History of the Manners and Customs of Ancient Greeks, Vol. III, London, 1842.

ТЕГГ, Последний акт. Лондон, 1877.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

Погребальный долг: Погребение врага - долг перед родителями.

ГЛАВА II.

Необычные погребения: Погребение преступников, самоубийц, предателей, пораженных молнией, особые церемонии при насильственной смерти, утопленников.

ГЛАВА III.

Подготовка к погребению: Прежние особенности - Реформы - Проходные деньги - Баня - Благовония - Венки - Медовый торт - Одежда.

ГЛАВА IV.

Погребение в состоянии покоя (*Prothesis*): Когда это происходило - Правила Сеоса - Женщины, принимавшие участие - Платок, веер и птица - Место - Положение трупа - Клин - Лециты - *Арданион* - *Две цели протесиса*.

ГЛАВА V.

Внешняя скорбь: Кем оказывается - Только форма - Излишества - Законы против излишеств - Их результат.

ГЛАВА VI.

Шествие (*ekphora*): Третий день - установленное время - Исключения из установленного времени - Час дня - *Клин* - *Кто* несет груз - Исполнители диггеров - Кто может присутствовать на процессии - Военные похоронные процессии.

ГЛАВА VII.

Сожжение или ингумация? Крайние точки зрения - два современных метода - кремация в каждый период - погребение также существовало - обычай в Спарте и Сикионе - сравнение с современными методами - детали кремации - место кремации.

ГЛАВА VIII.

Гробы: Ранние гробы - из камня - из кипариса - форма и украшения.

ГЛАВА IX.

Гробницы: Разновидности - земляные кучи - стелы - декорации - кион - *трапеция* - героум - ранние захоронения - поздние затраты и правила против этого - надписи на гробницах - эпитафии детям - украшения, помещаемые в гробницу - общественное кладбище - гробницы более богатого класса - захоронения за городом - мотив - законы в Спарте и других государствах.

ГЛАВА X.

Погребальный пир (*Перидеипнон*): Цель - хозяева - место - восхваление достоинств покойного - освящение фрагментов.

ГЛАВА XI.

Жертвоприношения на могиле: Совершаются родственниками - две разновидности - увеличение расходов - трита - *энната* - жертвоприношения аргивян - жертвоприношения спартанцев - когда прекращается траур - корзина - другая утварь - что использовалось для жертвоприношений - женщины совершали жертвоприношения - скорбь менее заметна, чем при протезе - обычаи на могиле - общее внимание к могилам.

ГЛАВА XII.

Дальнейшие церемонии: Генезия - *Некисия* - *Погребальные* игры - Обязанность посещать могилу - Общее поведение скорбящего - Черные одежды и повязывание головы - Обычай в Спарте - Заключение.

Погребальные обычаи у древних греков.

I. ОБЯЗАННОСТЬ ПОГРЕБЕНИЯ.

Задача исследования в этой области греческих древностей сродни задаче слепого, собирающего вместе осколки разбитой вазы, не имея никаких ориентиров, кроме грубых очертаний бесчисленных осколков. Каждый уголок греческой литературы должен быть исследован, каждая эксгумированная надпись, памятник, статуя и ваза должны быть тщательно просканированы, чтобы найти намек здесь и там, чтобы проиллюстрировать и осветить тему. Если использовать слово "*памятник*" в широком смысле, то именно из памятников, а не из литературы, мы получаем наиболее достоверную информацию о греческих погребальных обычаях. Древняя литература раскрывает мысли высших умов. Простой народ через памятники, оставленные в скульптурах, надписях и вазах, говорит о своей привязанности к жизни и о своем унынии и мрачности перед лицом смерти.

Ни в чем так не проявляется утонченность грека, как в его почтении к мертвым и в церемониях, сопровождающих погребение. Он говорил о погребении как об "обычном", "подобающем" или "правильном". Поминали даже тех, кого постигла внезапная смерть на обочине дороги. Афинский закон предписывал любому, кто наткнется на труп, хотя бы прикрыть его землей^[1]. Даже если при жизни человек питал к умершему самую лютую вражду, со смертью все воспоминания о вражде должны быть отброшены, а умершему должно быть оказано должное внимание. Именно этим объясняется великодушие Тесея по

отношению к мертвым аргивянам, убитым в Фивах. Их утащили фиванцы, которых они обидели, и оставили непогребенными. Афинский царь раздумывал над их погребением, когда из Фив прислали глашатая, чтобы упрекнуть его за вмешательство в дела тех, чье высокомерие стало единственной причиной их несчастий. Тогда поэт[2] заставляет Тесея вспыхнуть чувством, на которое откликнулась вся Греция: "Не для того, - говорит герой, - чтобы нанести вред городу или навлечь на него кровавую распрю, я считаю правильным похоронить эти мертвые тела, а для того, чтобы сохранить закон всех греков". Не желая ни на йоту отступить от своего высокого идеала долга, героический царь развязывает войну с Фивами, и нечестивые фиванцы терпят вполне заслуженное бедствие.

Общее мнение Греции решительно осуждало вражду, настолько длительную, что она доходила до пренебрежения к мертвым. Исократ выразительно заметил, что, обращаясь от имени платейцев к афинянам против фиванцев, он воскликнул[3]: "Не одинаковое несчастье для мертвых - быть лишенными погребения, а для живых - быть лишенными своей страны, поскольку первое еще более позорно для тех, кто запрещает погребальные обряды, чем для тех, кто терпит бесчеловечность".

При любых обстоятельствах на того, кто оставлял мертвое тело без надлежащего места упокоения, накладывалось клеймо; но тот, кто пренебрегал погребением родителей, родственников или близких друзей, считался изгоем и не мог жить с остальными членами общества. Исай приводит этот проступок в качестве причины, по которой Хариад не должен получить имущество, предназначенное ему по завещанию Никострата. Наследодатель отдал все Хариаду, но оратор объявляет его недостойным наследства и неспособным принять его по завещанию, поскольку он не кремировал и даже не собрал кости своего умершего благодетеля[4]. В другом деле о спорном наследстве тот же адвокат приводит свидетелей, чтобы показать, что предполагаемый наследник был лишен права на получение имущества на том основании, что, узнав, где спрятано имущество покойного, он немедленно побежал за вещами, а погребением пренебрег.[5]

Пренебрежение к мертвым приводилось даже в качестве дисквалификации для занятия должности. Некий Филон, избранный сенатором по жребию, был оспорен на *докимасии* как недостойный этого сана. Самым сильным возражением против него было то, что его мать, умирая, опасаясь, что он не будет присутствовать на ее похоронах, оставила деньги и распоряжения по ее погребению совершенно незнакомому человеку. "Если же, - спрашивает оратор, - мать, которая от природы всегда снисходительна к недостаткам своих детей и руководствуется только своим сердцем, опасалась, что скупость ее сына будет управлять им, то что *мы* должны думать о таком сыне[6]?"

Согласно закону Солона, отец мог своим дурным поведением стать недостойным сыновней привязанности, и сын такого отца мог быть освобожден от обязанностей, причитающихся благородному родителю. Но даже в таком крайнем случае, когда сын освобождался от всех обязанностей при жизни родителя, после смерти обязанность возрождалась, и оставался тот же законный долг - позаботиться о погребении отца. На этом основании Эсхинес заявляет, что "юноша не обязан содержать или обустраивать дом для отца, который пустил проститутку, но, если родитель умер, пусть сын похоронит его и исполнит обычные обязанности[7]."

II. НЕОБЫЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ.

Таким строгим был закон относительно обязанности погребения у древних греков. И все же были крайние случаи, когда погребение запрещалось. Отказ в погребении тела преступника был самым суровым отягчением казни за преступление. Такие трупы, как в Афинах, так и в Спарте, сбрасывали вместе с уздой и одеждой в яму в специально отведенном квартале города, где плоть могла разлагаться или быть съеденной птицами-каррионами. В Афинах этот *баратрум*^[8], как его обычно называли, находился в квартале *Мелита*, недалеко от дома Фемистокла и храма, который он воздвиг Артемиде *Аристокбуле*^[9]. В Спарте также была яма или подземная пещера, называемая *Каэды*^[10], в которую сбрасывали трупы преступников. После того как лакедемоняне держали Павсания в заточении, пока он не умер от голода, они сначала думали бросить его останки в это позорное место, но потом, передумав, зарыли его в землю где-то поблизости.^[11]

Те, кто покончил с собой, становились преступниками, но с ними поступали не так жестоко, как с теми, кто был казнен за преступление. Самоубийце разрешалось погребение, но руку, совершившую поступок, отрубали и хоронили отдельно от тела^[12]. Современный ученый^[13] объясняет такое обращение страхом греков, что труп может превратиться в вампира; но сентиментальная причина Иосифа, согласно которой рука преступника считалась чужой для тела, гораздо больше похожа на древний образ мыслей. В качестве дополнительной деградации трупов самоубийц Платон рекомендует хоронить их без почестей отдельно от других умерших в неводеланной и безымянной местности, а место их погребения не должно быть отмечено никаким столбом или именем^[14]. Исходя из этого предположения и того факта, что погребения иногда действительно происходили после наступления темноты, как, например, когда Кассандра пророчила Агамемнону, что "будучи подлым человеком, ты будешь погребен ночью, а не днем^[15]", Беккер заключил, что "колдовское время ночи" могло послужить поводом для погребения самоубийц^[16]. Это, конечно, разумно.

Судя по судьбе многих предателей, напрашивается вывод, что тем, кто был виновен в чудовищном преступлении - измене, было отказано в погребении на родине. По этой причине герои Полиникс, Паламед и тельамонский Аякс по завершении своей мифической карьеры были лишены возможности быть похороненными на родине^[17]. Даже кости Фемистокла, как утверждают некоторые, были тайно захоронены в Афинах без ведома греков, "ибо, - говорит Фукидид, - хоронить его там было противозаконно, так как он был объявлен вне закона за измену^[18]".

Наконец, в погребении или, по крайней мере, в погребении вместе с другими отказывали тем, кто был убит молнией. С современной точки зрения это кажется более необычным, чем другие случаи запрета на погребение, о которых уже говорилось, но древние считали, что любого, кто был убит таким образом, поразила бог, который знал о каком-то преступлении, скрытом от глаз смертных. Тесей, известный своей набожностью, говоря об убитых в Фивах, заявил, что он сожжет труп Капанея отдельно, потому что он был поражен пламенем, брошенным рукой самого Зевса, но что он сожжет всех остальных на одном погребальном костре^[19]. Плутарх утверждает, что тела убитых таким способом никогда не разлагаются и что "многие люди никогда не сжигают и не хоронят такие тела, но оставляют их лежать над землей, обнеся их оградой, чтобы каждый мог видеть, что они остаются нетленными^[20]". В некоторых случаях, с другой стороны, останки этих несчастных существ кремировали, а

затем захоранивали[21]. Однако следует помнить, что запрет на погребение или отдельное захоронение в случае с человеком, пораженным молнией, не обязательно означал позор, но, определенном смысле, свидетельствовал об отличии. Его труп считался "священным" или принадлежащим богам, и, как таковой, с ним нельзя было поступить обычным образом .[22]

В противовес обстоятельствам, при которых в погребении отказывали, были случаи и условия, требовавшие экстраординарных похоронных церемоний. С особой пышностью чествовали тех, кто погиб насильственной смертью от руки убийцы. Когда похоронная процессия медленно и торжественно продвигалась к могиле, впереди несли вертикальное копье, символизирующее способ смерти несчастного[23]. По прибытии к месту погребения это копье устанавливали в могиле. Это делалось даже в тех случаях, когда за неимением средств процессия не проводилась[24]. После этого у могилы делали объявление, чтобы по возможности узнать, нет ли у покойного родственников, которые могли бы отомстить за убийство. После этого за могилой наблюдали в течение трех дней[23].

Своеобразная церемония соблюдалась и в тех случаях, когда человек тонул или когда по какому-либо другому несчастью тело не удавалось извлечь. При таких обстоятельствах древний закон греков предписывал воздвигать кенотаф[25]. Каллимаху мы обязаны следующим фрагментом небольшой приятной эпиграммы, написанной в память о юноше, погибшем в море, и прекрасно иллюстрирующей этот закон:

"Приливы швыряют его бездыханный каркас,

Пустая гробница хранит его имя[26]."

В одной из пьес Еврипида с помощью этого обычая и других обрядов, которые Елена объявляет частью греческой религии, Феоклимена перехитрили, и торжествующие муж и жена, вновь примирившись, смогли вернуться на родину .[27]

Если верить Харитону, который был очень поздним автором, то, по-видимому, также существовал обычай, когда тело не могли найти, нести в процессии на подставке изображение вместо настоящего трупа[28]. Рейске в своем комментарии не считает это свидетельство убедительным, но полагает, что Харитон в данном случае путает греческие и римские церемонии. Комментатор ссылается на то, что в Риме при апофеозе императора и даже на других похоронах было принято нести с собой чучело .[29]

Если бы Харитон был единственным авторитетом в этом вопросе, его утверждение можно было бы проигнорировать как малозначительное, но Геродот[30] упоминает этот же обычай с чучелом как соблюдавшийся при смерти спартанского царя, который умер за границей. Однако этот факт свидетельствует не более чем о возможности. Однако достоверно известно, что афиняне имели обыкновение нести одно роскошное пустое ложе в качестве представителя тех, кто был убит в бою, но чьи тела не были найдены .[31]

Чувство почтения к тем, чьи останки ускользнули от поисков, само по себе очень красиво, но горе тому, кто возвращался после того, как друзья считали его мертвым и совершали погребальные обряды. Его суеверные собратья не позволяли ему ни участвовать в жертвоприношениях, ни даже приближаться к этим торжествам. Они избегали его общества так же тщательно, как если бы он был призраком из нижнего мира .[32]

III. ПОДГОТОВКА К ПОГРЕБЕНИЮ.

За исключением, возможно, одной или двух особенностей, сохранившихся от их древней религии, описание погребальных обычаев представителей греков в исторический период, сегодня ни в коем случае не покажется варварским или даже необычным.

В гомеровские времена кровь людей и животных считалась пищей, наиболее приятной для умерших. Ахилл на могиле Патрокла убил двенадцать молодых троянцев, четырех лошадей, двух собак и стадо крупного рогатого скота и овец[33]. Улисс, принеся в жертву овцу на краю вырытой им ямы, призвал тени погибших героев, и тени, собравшись вокруг него стаями, жадно пили это кровавое возлияние[34]. Человеческие жертвоприношения упоминаются как происходящие в доисторический период. Но эти варварские обычаи уже не существовали, когда началась настоящая история. Закон Солон запрещал приносить в жертву быка во время погребальных церемоний.[35]

В шестом веке до нашей эры закон Сеоса еще разрешал приносить жертвы по древнему обряду[36], но в пятом веке эти жертвоприношения, похоже, стали привилегией богов и умерших героев.[37]

Но, если не считать реликтов этой традиционной церемонии периодического жертвоприношения на могиле, почти все, что связано с погребением мертвых, кажется по сути современным. Конечно, так было не всегда. Авторы, писавшие в классический и более поздний периоды, приводят множество свидетельств того, как прогрессивный народ отходил от своих старых грубых обычаев. Платон[38] рассказывает, что раньше у родственников умерших была мода посылать за женщинами, чьим делом было собирать кости умерших в кувшины; а еще раньше, как он сообщает нам, греки хоронили своих умерших дома.

В Афинах Солон[39] внес большие улучшения. Именно он запретил людям плохо отзываться о мертвых, мотивируя это тем, что благочестие требует считать мертвых священными. Такая доктрина, направленная против увековечивания ненависти, не так уж далека от диспенсации девятнадцатого века. В Спарте также был реформатор Ликург, но его меры, как и следовало ожидать от того, кто пытался воспитать расу воинов и законопослушных граждан, были направлены скорее на интеллектуальное и социальное развитие, чем на религиозный прогресс. Его целью было покончить со всеми глупыми суевериями и женоподобными настроениями[40]. Он даже разрешил устанавливать памятники рядом с храмами, чтобы молодежь привыкала их видеть.

Лучший связный рассказ об обсуждаемых церемониях можно найти в книге Лукиана *"de Luctu"*. Несмотря на циничный взгляд и сатирические комментарии этого автора, в его описаниях, если судить по другим авторам, нет ничего преувеличенного, а изображенные в них обычаи, вероятно, мало изменились за весь период греческой истории.

Как только смерть настигала жертву, родственники или друзья, осторожно закрыв глаза любимого, вкладывали в рот покойника обол - монету стоимостью около трех полпенсов, или

около трех центов наших денег, которая должна была служить деньгами для перехода через Стикс. Они были очень осторожны, чтобы не упустить эту обязанность, поскольку считалось, что, если старый Харон не сможет собрать свой паром, неудачливая тень будет отправлена обратно в жизнь [.\[41\]](#)

Они также внимательно осматривали монету, чтобы убедиться, что она пройдет ток среди обитателей нижнего мира [.\[42\]](#)

Восхитительным подтверждением этого обычая стали раскопки, проведенные в этом веке в городе Самос в Кефаллении. В черепичном гробу, выкопанном в этом месте, были найдены кости посвященного в вакхические мистерии, а между задними зубами черепа, *данаке*, была крепко зажата монета, по стоимости несколько превышающая *обол*. Поздние раскопки в Италии, Греции и Азии обнаружили множество монет в гробницах [\[43\]](#). На рисунке на вазе, описанном Потье, изображена маленькая монета, зажата между большим и указательным пальцами фигуры, изображающей покойника [.\[44\]](#)

В "Лягушках" Аристофана Дионису говорит Геракл, вернувшийся из нижних областей, что он должен будет заплатить два *обола* за проезд, поскольку с ним находится его слуга Ксанфий [.\[45\]](#)

По-видимому, считалось, что чем скорее эти деньги будут предоставлены труп, тем раньше состоится его переправа через Стикс. В диалоге Лукиана тень, которую оставили, потому что Харон нашел свое судно уже слишком полным, заявляет, что будет преследовать лодочника, поскольку, оставив труп, снабженный *оболом*, которому уже исполнился день, он действовал вопреки законам своего начальника Радаманта [\[46\]](#). В надежде ускорить плавание, плату за проезд вставляли как можно скорее.

Следующим этапом церемоний была подготовка покойного к путешествию. Опасаясь нехватки воды в нижнем мире, труп тщательно омывали. Затем его помазали сладко пахнущими благовониями и увенчали цветами по сезону. Наконец, друзья облачили его в великолепные одежды, чтобы он не простудился в дороге и не предстал нагим перед Цербером [.\[47\]](#)

В Риме одеванием трупа занимался наемный гробовщик, называемый *pollinctor*, но у греков за этим деликатным делом присматривали ближайшие родственники, и оно считалось очень священным долгом [\[48\]](#). Рисунки, найденные на погребальных вазах, свидетельствуют о заметном превосходстве женщин в численности во время церемоний, предшествующих погребению. Найдена лишь одна *лецига*, на которой мужчина изображен участвующим в предварительных этапах подготовки. Именно на женщин возлагалась забота о туалете мертвого тела, его омовении, надушивании и завертывании в саван. Об этом обычае упоминает Гомер, когда Диомед, легко раненный Парисом, кричит, что тот "знает, как сильнее поразить врага, что человек, которого коснулось его копье, - мертвец и что вокруг него стервятников больше, чем женщин [\[49\]](#)". На похоронных церемониях Гектора главная роль отведена женщинам [.\[50\]](#)

Когда тиранический Креон запретил хоронить Полиника, Антигона, его сестра, потребовала привилегии омыть труп и, несмотря на сопротивление царя, попыталась похоронить брата своими руками [.\[51\]](#)

Судя по всему, уже давно установился обычай плести венки для умерших [\[52\]](#). Мы уже узнали от Лукиана, что эти венки делались из цветов, если смерть наступала в подходящий сезон, и у нас есть другие веские основания полагать, что растение петрушка часто использовалось в

качестве заменителя в неблагоприятное для цветов время[53]. Как и в современных погребениях, эти венки присылали родственники и друзья покойного[54], и особенно много их было на похоронах молодых людей. Последний факт подтверждается жалобой одной недобропорядочной женщины, которая восклицает: "У меня есть скорбящий, а не любовник; он посылает мне венки и розы, как на безвременную смерть[55]."

Покойному также преподносили медовый торт[56]. Был ли этот торт предназначен для подношения трехголовому стражу нижних областей, псу Церберу, точно не известно; хотя схолиаст Аристофана сообщает нам, что "медовый торт давали трупам для Цербера, как обол для паромщика, и корону для тех, кто выиграл приз при жизни[57]."

Лукиан считает, что греки хотели[58], с помощью цветов и их благоухания, преодолеть отвращение к смерти. Слишком критический подход к мотиву подношения цветов мертвым может привести к потере поэтического очарования церемонии.

Что касается платья, в которое облачался труп, то здесь возникла небольшая дискуссия по поводу его цвета, было ли оно белым или черным. Если руководствоваться исключительно древними авторами, то несложно принять первый цвет. Один схолиаст на основании эпизода из Лукиана[59], где несколько молодых парней пытаются напугать Демокрита, нарядив его "в черное одеяние, *похожее на смерть*", сделал вывод, что древние греки одевали свои трупы в черные одеяния. Этот отрывок едва ли оправдывает такое предположение и не является веским доказательством против вывода о том, что покойник был одет в белое, поскольку резвившиеся могли пытаться выдать себя за саму Смерть, "чернокудрого царя ушедших", которого иногда изображают в "одеянии соболиного оттенка[60]."

Беккер добавляет более серьезное возражение. Он опирается на отрывок, в котором Платон объясняет, что укладка, процессия и погребение умершего жреца отличаются от тех, что соблюдаются в отношении других граждан; а затем упоминает среди этих отличий, что все его погребальное одеяние должно быть белым[61]. Павсаний также отмечает[62], что, когда Аристодему снится, что к нему пришла его убитая дочь и дала ему золотой венец и белое одеяние, он считает, что это видение предвещает его смерть, поскольку "у мессенцев есть обычай хоронить самых выдающихся людей увенчанными и завернутыми в белое одеяние". Если принять эти утверждения за верные, то единственный способ объяснить очевидное исключение из общего правила - это отметить, что белое одеяние в каждом случае является простым инцидентом среди особенностей, присущих умершим сильным мира сего, а цвет сам по себе не обязательно экстраординарным. Но почти наверняка в случае с цитатой Беккера он взял старое прочтение, которое теперь заменено более удовлетворительным текстом. Добавив еще одно слово, расхождение исчезает, и, очевидно, правильно переводит: "и пусть каждый [из тех, кто присутствовал на похоронах] наденет полностью белое одеяние[63]."

С другой стороны, даже если мы не будем принимать во внимание тот факт, что черный цвет обычно был цветом одежды скорбящих, и, как следствие, саван умершего вряд ли мог быть того же цвета, у нас, конечно, есть и другие веские основания полагать, что умерший был облачен в белое.

Архилох в одном из своих стихотворений использует прекрасную метафору, косвенно уподобляя белизну пепла, в который превратился труп, "чистому одеянию" смерти.[64]

Артемидор в своем труде по толкованию снов ясно говорит, что появление перед больным "белых одежд указывает на смерть, потому что умерших принято хоронить в белом; черное

же платье пророчит безопасность, так как не умершие, а те, кто в трауре, пользуются последним платьем[65]. " Наконец, в сцене, где греки готовят тело Патрокла к погребению, после того как на него надевают нижнее белье из тонкого льна, поверх всего они покрывают тело героя снежным погребальным одеянием[66]. Сеанская надпись предписывает заворачивать умерших в три белых полотна[67]. Эсхин осуждает Демосфена за то, что тот явился в белом одеянии, когда должен был оплакивать свою единственную дочь .[68]

Однако было бы поспешным выводом заключить, что одежда скорбящих была абсолютно и безоговорочно черной. На некоторых из обнаруженных росписей, на вазах, цвета сохранились очень хорошо. На лецифах была найдена только одна женщина в мертвом черном одеянии[69]. Следует заметить, что выражение, используемое древними авторами, не относится строго к *черному* цвету, как мы его обычно понимаем. В этой связи черное одеяние не обязательно должно означать что-то большее, чем темный оттенок одежды, контрастирующий с белизной материала, в который облачено мертвое тело. Гомер говорит о "черном вине", "черном море" и "черной крови"[70]. " Черный цвет очень редко встречается в вазовой живописи, особенно в погребальных сценах. На одном леците орнаментальные ленты, которые лежат и свисают с погребального ложа, и покрывало ложа написаны фиолетовым цветом[71], на другом леците саван темно-зеленый, нижняя одежда одной из женщин темно-зеленая, а ее верхняя одежда коричневая; на другом леците мужчина изображен в верхней одежде темно-сиреневого цвета, а женщина - в мантии коричневого цвета .[72]

Эти белые лециты, кстати, представляли собой небольшие вазы, корпус которых обычно был белого или серого цвета. Их высота варьировалась от четырех до двадцати дюймов и более[73]. Их просто наполняли благовониями и ставили возле погребального ложа, чтобы они окутывали его своими ароматными эманациями[74]. В них хранилась мирра, о которой также говорит Плутарх в своем описании погребальных обрядов в честь умерших в Платее, и которой наполняли урны, выносимые молодыми людьми в процессиях[75]. Некоторые прекрасные образцы белых лецитов находятся в музеях Афин, в Лувре, в Вене, Лондоне, Берлине, в музее Метрополитен в Нью-Йорке, а также в некоторых частных коллекциях. На корпусе вазы нарисованы сцены, связанные с погребальными церемониями. Их авторитет является окончательным в отношении погребальных обычаев, которые они изображают, и на многих из них краски яркие, чистые и не тронутые временем.

IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД.

После того как тело было подготовлено к погребению, его укладывали на землю. Это называлось *протезисом* и, вероятно, происходило на следующий день после смерти, чтобы труп мог быть похоронен раньше. Из заявления Поллукса[76] о порядке проведения церемоний следует, что это было подходящее время. Этот автор утверждает, что сначала совершался *протезис*, а за ним следовали *экфора* или процессия и третичные жертвоприношения. Эти жертвоприношения совершались на четвертый день, то есть на третий после дня кончины[77], а процессия - на следующий день после *протесиса*[78].

Таким образом, следует заключить, что протесис, процессия и жертвоприношения совершались соответственно на первый, второй и третий день после кончины. Основание для такого расчета можно найти в оратории Антифона по поводу смерти певца хора[79]. Вероятно, такой порядок событий был установлен законом Солона, о котором несколько несовершенно сообщает Демосфен[80]. Однако в случае с теми афинянами, которые пали в бою, погребение происходило за три дня до шествия.[81]

Стремление греков к скорейшему погребению было вызвано той же заботой, которая заставляла их спешить с деньгами для переправы через Стикс.

Сократ говорит, что, когда душа отлетает, люди уносят тела своих близких друзей и хоронят их, как только могут[82]. Дух Патрокла, утомленный долгой задержкой, пока продолжалась борьба за его бранные останки, и возмущенный преступным безразличием своего друга, умоляет Ахилла похоронить его как можно скорее, чтобы он мог скорее пройти через врата Аида.[83]

Верно сказано, что в глазах греков "быстрое погребение - это умиловление умершего[84]."

Поскольку погребение происходило за полтора дня до погребения, а церемония должна была совершаться на следующий день после смерти человека, то несвоевременная подготовка к погребению родственника считалась большим клеймом на характере человека.[85]

Закон Сеоса, принятый, вероятно, во второй половине VI века и очень похожий на закон Солона, регулирует вопросы погребения с большой конкретностью. Этот закон направлен на сдерживание чрезмерной дороговизны похоронных церемоний. Он ограничивает обертывание умершего тремя белыми полотнищами, общая стоимость которых не должна превышать ста драхм, около двадцати долларов на наши деньги; тело должно быть положено на ложе со стройными ножками и не должно быть полностью скрыто драпировкой - предосторожность против насильственной смерти[86]. На картинах лицо и верхняя часть груди не прикрыты. Цвет пелены или савана на лецифах не одинаково белый, так как на этих белых вазах, которые относятся к четвертому и пятому векам до нашей эры и которые найдены почти исключительно в гробницах афинян, встречаются некоторые фиолетовые и даже зеленые цвета.[87]

Уже говорилось, что женщины, принимавшие участие в погребальных обрядах, должны были быть ближайшими родственницами умершего. Это требование закона иллюстрирует расписная *терра-коттовая* дощечка, опубликованная Бенндорфом, на которой рядом с фигурами имеются надписи. Из этих надписей следует, что у постели покойного находятся бабушка, мать, сестры, отец и братья.[88]

Родственники, которые на рисунках стоят у погребального ложа или одра, демонстрируют жесты некоторой жестокости, свидетельствующие о том, что время еще не смягчило остроту их скорби. Они держат в руках различные предметы, предназначенные для подношений на могилу.[89] Очень часто встречается узкий шарф. Он состоит из плоской полосы ткани, заканчивающейся бахромой на каждом конце, и цвет его отнюдь не однороден: красный, черный и фиолетовый встречаются в разных случаях. Этот длинный узкий шарф использовался во всех религиозных церемониях, жертвоприношениях, благодарениях и посвящениях. Его значение трудно определить. Однако назначение веера в руках скорбящего периода белых лецитов, несомненно, заключалось в защите тела от нападения мух во время его пребывания.[90]

Еще один необычный предмет, присутствующий в различных сценах траура и погребения, - птица. О ее назначении можно только догадываться, а тот факт, что птица не относится ни к одному виду, а иногда является голубем, а иногда уткой или какой-либо другой птицей, делает интерпретацию ее присутствия не менее загадочной. Наиболее удовлетворительное предположение состоит в том, что она просто предназначена для приятного напоминания умершему о предмете, знакомом ему в только что закончившейся жизни[91]. Как компаньоны и источники развлечений и удовольствия, собака и птица играли важную роль в домашней жизни греков. Вероятно, поэтому юноша с собакой и девушка с птицей очень часто встречаются на погребальных барельефах.

Один схолиаст замечает по поводу этого обычая *протезирования*, или лежания в состоянии, что "древние клали трупы перед дверями и били себя в грудь[92]". Беккер находит значительные трудности в согласовании этого с законом Солона, предписывающим "укладывать мертвеца в доме так, как он распорядился". Если бы мы интерпретировали выражение "перед дверями" как указание на то, что церемония происходила вне дома, то действительно было бы трудно согласовать два авторитета; но современные ученые, как правило, считают, что нет ничего сложного в том, чтобы интерпретировать эту фразу как означающую прихожую или переднюю часть дома.[93]

Итак, в прихожей дома тело клали так, чтобы ноги были повернуты к двери, что, возможно, указывало на то, что он собирался отправиться в свой последний путь, чтобы никогда больше не возвращаться в места обитания живых[94]. Из того факта, что голова была положена на какую-то подставку[95], можно сделать вывод[96], что труп был положен на *клин* или кровать. Ни у одного автора нет отрывка, подтверждающего это, но росписи на белых лецифах представляют этот факт очень четко[97]. Есть также рассказ о *протезе*, в котором под тело подкладывали майоран и сломанные ветки винограда.[98]

Рядом с телом[99], помещали *лециты* или кресты, которые уже были частично описаны. После этого их сжигали или хоронили вместе с трупом. По мнению схолиаста, эти лециты использовались афинянами как сосуды для хранения благовоний, которыми помазывали умерших, но сейчас признается их использование для хранения духов[100]. В Афинах существовал класс людей, чье занятие заключалось в изготовлении и украшении белых лецифов[101]. Эти вазы запекались не так сильно, как большинство других глиняных сосудов, но изготавливались с большой тонкостью манипуляций. Мягкие и хрупкие, они покоились на круглом широком основании, резко сужались по мере подъема, затем внезапно расширялись в цилиндрическое тулово примерно того же диаметра, что и основание, после чего сужались в короткое горлышко, на котором держалось чашеобразное устье, из боковой части которого начиналась маленькая круглая ручка, прикрепленная нижним концом к тулову вазы. Верхняя и нижняя части покрывались черным покрытием или эмалью.[102]

Центр или тулово окрашивалось в белый цвет, и на этом фоне рисовались и расписывались погребальные сцены с большим художественным мастерством и большей или меньшей точностью рисунка и деталей в зависимости от класса изделия, которое хотел изготовить мастер. В конечном итоге мастер стремился изготовить не произведение искусства, а предмет торговли, хотя, кстати, часто достигалась фигурная живопись высокого уровня[103]. Они были изготовлены не позднее второго века до христианской эры[104], и представляют собой обычаи афинян в течение периода, охватывающего пятый и четвертый века.

Когда *лециты* были погребены вместе с трупом, их нарушение считалось очень серьезным преступлением. На леците, найденном в могиле в Кумах, наложено проклятие слепоты на

того, кто осмелится украсть его[105]. Обычай оставлять в гробницах предметы, представляющие ценность, делал их уязвимыми для посягательств, и многие погребальные надписи содержали угрозы наказания тем, кто возьмет или потревожит то, что было предложено мертвым.[106]

Сразу за дверью дома, в котором лежало тело, стоял глиняный сосуд с люстриновой водой, чтобы посетители, пришедшие в последний раз взглянуть на черты своего друга, могли очиститься от загрязнений, которые они могли понести, войдя в дом, оскверненный смертью. Поскольку все, что относилось к пострадавшему дому, считалось загрязненным, очистительную воду пришлось брать из другого дома[107]. Сосуд, в котором хранилась вода, назывался по-разному: *остракон*[108], *арданион*[107] или *пегайон*.[109]

Это выставление тела на обозрение друзей было не просто демонстрацией, но часто служило полицейским предписанием, и, в то же время, предотвращало досадную ошибку погребения, когда бессознательное состояние симулировало смерть. В какой-то степени она заменяла нам дознание коронера, поскольку мы узнаем от Поллукса[107], что "выкладывание происходило и по этой причине, чтобы было видно, что труп не подвергался насилию". Полезности этой меры способствовал закон, который предписывал, чтобы протезирование не длилось дольше или короче, чем это необходимо для того, чтобы показать, находится ли человек в трансе или действительно мертв.[110]

V. ВНЕШНЕЕ ГОРЕ.

Внешние проявления скорби были очень заметны. На данном этапе следует обратить внимание только на причитания и преувеличенную скорбь, которые имели место при возложении и во время процессии. Рассмотрение признаков траура, проявившихся в одежде, должно быть сделано после обсуждения других особенностей погребения.

Эти причитания в значительной степени исполнялись женщинами[111]. Его следует рассматривать скорее как необходимую форму, чем как подлинное выражение скорби. Конечно, бывали случаи, когда настоящая скорбь и привязанность вызывали слезы и причитания тысяч людей. Такую дань уважения характеру Тимолеона отдали его соотечественники, сиракузяне[112]. В подавляющем большинстве случаев, однако, эта чрезмерная скорбь была лишь разновидностью пустой праздности. Платон вообще запретил бы причитания по поводу смерти жреца[113]. В прежние времена это модное излишество достигло таких масштабов, что Солон был вынужден вмешаться и законом пресечь эти демонстрации. Он запретил оставшимся в живых плакать и приказал обойтись без наемных плакальщиков, чьи заунывные ноты должны были возбуждать печаль[114]. Он также повелел, чтобы ни одна женщина моложе шестидесяти лет, не являвшаяся как минимум троюродной сестрой покойного, не входила в дом до погребения.[115]

Харондас, знаменитый законодатель Катаны и Магна-Грации, издал закон, который по строгости превзошел закон Солона и запретил все причитания. Он считал, что лучше проявлять уважение к умершим, украшая их могилы и иным образом поддерживая память о них[116]. Однако очень маловероятно, что эти законы оказали какое-либо постоянное

влияние на привычки людей. Возможно, на какое-то время они сдерживали излишества, но есть множество поздних доказательств того, что обычай бурных и громких оплакиваний продолжался еще долго. Во всех трагедиях мы видим, что женщины по-прежнему рвут на себе волосы[117], когда кто-то из их родственников покидает эту жизнь, и, рана грудь[118], раздирают щеки[117], и плачут горестными голосами[119]. Возможно, поэты хотели в этих отрывках просто изобразить прежние обычаи, или, может быть, действие преувеличено, чтобы усилить сценический эффект; но, поскольку есть много других доказательств того, что эти старые варварства оставались в моде и за пределами мимической жизни сцены, нет необходимости гадать о цели драматургов. Лукиан утверждает, что избивание грудей, раздирание щек, высыпание пепла на голову и удары головой о землю происходили всегда, так что живые вызвали больше жалости, чем мертвые[120]. В утешительном письме Плутарха к своей жене по поводу потери их маленькой девочки мы снова находим суровую инвективу против этой практики его времени. Его философия достойна христианской эпохи. "Но поскольку, - говорит он, - наша маленькая дочь доставляла всем нашим чувствам самое сладкое и очаровательное удовольствие, то мы должны лелеять память о ней, которая во многом, а точнее, во множестве, будет способствовать нашей радости, а не горю". Затем, похвалив жену за то, что она не обезобразила себя и своих служанок и не предалась иному драматическому выражению горя, он продолжает: "Ибо добродетельная женщина должна не только сохранять свою чистоту во время буйных праздников, но и рассуждать таким образом с самой собой, что в сильной скорби буря ума должна быть успокоена терпением, и это не ущемляет естественную любовь родителей к своим детям, как думают многие, но только борется с беспорядочными и неупорядоченными страстями ума[121]."

Более того, многие из дошедших до нас произведений искусства также доказывают, что излишние причитания не были полностью отменены законом Солона. На лецифах, изображающих *протез*, можно заметить, что женщины держат руки на голове, как бы разрывая волосы[122], хотя этот жест может быть лишь условным знаком траура[123], принятым для обозначения скорби в погребальных памятниках и вазах, так же как интерьер может символизироваться дверью или столбом, поддерживающим крышу, храм - алтарем, а то, что сцена происходит вне дома, обозначалось листвой в той или иной форме или веткой дерева.[124]

VI. ПРОЦЕССИЯ.

На третий день[125] было решено, что прошло достаточно времени, чтобы показать, действительно ли жизнь исчезла[126]. Тогда была сформирована процессия, которая должна была сопровождать тело в гробницу. Через некоторое время эта трехдневная задержка, возможно, стала соблюдаться менее строго, поскольку погребение разрешалось в день, следующий за кончиной. Каллимах поет о юноше, "друзья которого один день видели его живым, а на следующий день плакали у его могилы[127]". И снова философ Ферекид, изъеденный болезнью, приглашает своих врачей присутствовать на его похоронах на следующий день[128]. Но когда умирал выдающийся и достойный человек, такой как Тимолеон, и требовалось провести масштабные приготовления к похоронам, оповестить

окрестных жителей и чужеземцев, время, прошедшее между смертью и погребением, вероятно, увеличивалось .[129]

Час, назначенный для *эфора*, или похоронной процессии, приходился на раннее утро, до восхода солнца[130] . Бос[131] приводит случаи Патрокла[132] и Ахилла[133] в качестве доказательства того, что только тех, кто умер в расцвете молодости, хоронили до восхода солнца. Однако есть и другие отрывки[134] , достаточные для того, чтобы убедить нас в том, что время похорон обычно приходилось на предрасветный час.

Мы знаем, что тело несли в могилу на *клизе* или бире[135] , предположительно на том, на котором был совершен *протез*, но кто его туда нес, остается под вопросом. Естественно было бы предположить, что его несли родственники или друзья покойного, но не найдено ни одного документа, подтверждающего это предположение. Напротив, в книге Поллукса[136] есть отрывок, который можно истолковать как указание на то, что существовал класс людей, которых профессионально называли "трупоносителями" или "погребальщиками", и единственным занятием которых была переноска трупов. Поллукс - довольно поздний авторитет, но, возвращаясь к трагедиям, появляется Электра, которая говорит своему брату, чтобы вороны и собаки выступали в роли "погребальщиков" Егиста[137] . Кроме того, именно несколько обученных рабов несут Алкестиду к гробнице .[138]

Когда умирал знатный человек, его несли в могилу юноши, выбранные народом[139] . Известен случай погребения жреца, когда сто юношей[140] , прошедших обучение в гимназии, были отобраны родственниками покойного. Было принято, чтобы члены братства выступали в роли носильщиков для одного из своих товарищей. Демонакса[141] , когда он умирал, несли его братья-философы. Этот обычай дошел до наших дней в похоронных процессиях *вольных каменщиков и нечетных братств*.

В фургоне процессии, прямо перед трупом[142] , или сразу за ним, ехали наемные певцы, исполнявшие свои заунывные песнопения[143] . Платон, возможно, по неосторожности, говорит об этих наемных певцах в мужском роде[144] ; но Гесихий, несомненно, прав, утверждая, что в этой роли обычно выступали женщины[145] . Впервые они были привезены из Карики[145] , отсюда и значение ссылки на дигр как на "карийскую мелодию[144]" .

Поздние авторы, Поллукс[146] и Секстий Эмпирик[147] , путали исполнителей диггеров с римскими *praeficae* и считали, что они играли на флейтах. Флейты из слоновой кости, которые были обнаружены в некоторых греческих могилах, казалось бы, подтверждают эту точку зрения[148] . У Шрайбера есть изображение похоронной процессии, на котором флейтист виден позади грубой повозки, везущей тело покойного .[149]

Любой *мужчина* мог присоединиться к мрачному шествию к могиле, но любая *женщина* была лишена этой меланхоличной привилегии, если только ей не исполнилось шестидесяти лет[150] , или она не была связана с покойным кровными узами и не была старше шестнадцати лет. В литературе упоминаются два случая, когда этот закон был нарушен. Лисий[151] рассказывает о дочери, которая последовала за своей мачехой в могилу; а Теренций, чьи пьесы являются адаптацией и почти переводом греческих комедий, заставляет бедную Гликерию присутствовать на похоронах ее приемной сестры, красавицы Андрианы[152] . Но даже в этих случаях исключение скорее кажущееся, чем реальное; ведь в каждом случае привязанность превращала номинальное родство в фактическое.

На памятниках, амфорах и вазах, найденных в греческой земле, есть некоторые намеки на военные похороны, а также упоминания о таких празднествах у греческих авторов. На штампованной табличке из *терракоты*, хранящейся в коллекции М. Райе[153], изображена процессия с двумя молодыми людьми в военной одежде, возможно, сыновьями покойного, которые шествуют за женщинами, окружающими погребальную машину. Черные фигуры на амфоре[154], представляют кортеж как состоящий из женщин и нескольких вооруженных мужчин, сидящих на колесницах. Прекрасная амфора с мыса Колиас[155], расписана красными фигурами. Там, рядом со сценой *протезирования*, несколько рыцарей готовятся следовать за похоронной колонной. Они опустили острия своих копий в знак траура. Не исключено, что эти воины провожают соратника к месту его последнего упокоения. Отрывок из Платона[156], предписывающий порядок следования кортежа при погребении первых граждан государства, гласит, что во главе процессии должны идти молодые неженатые мужчины, одетые в военную одежду, затем юноши должны идти впереди и петь национальный гимн, а девушки следовать позади, и те из женщин, которые, как оказалось, вышли из возраста деторождения. Плутарх[157] пишет, что урну с прахом Филопомена сопровождали вооруженные солдаты.

VII. СОЖЖЕНИЕ ИЛИ ИНГУМАЦИЯ?

Сжигали ли греки своих умерших, как многие народы древнего мира, или сразу же хоронили, как большинство людей, начиная с христианской эры? Этот вопрос активно обсуждался. Лукиан в общих чертах утверждает, что мода греков, в отличие от различных обычаев, практиковавшихся соответственно у персов, индийцев, скифов и египтян, заключалась в кремации их мертвых[158]. Некоторые принимают это утверждение в буквальном смысле; с другой стороны, немецкий ученый[159] с немалой репутацией настаивает на том, что "в исторический период погребение было всеобщим". Истина, как обычно, лежит между этими крайностями. Захоронение и кремация существовали вместе во все времена.

Древние авторы упоминают множество случаев за пределами гомеровского периода, когда умерших сжигали. Давайте рассмотрим эти случаи в хронологическом порядке и посмотрим, не охватывают ли они все эпохи. Плутарх сохранил двустихие Архилоха, в котором тот сокрушается об утоплении своего шурина и заявляет, что не стал бы так горевать, если бы его кости были правильно кремированы[160]. И хотя Плутарх справедливо назвал невероятной и легендарной историю о том, что прах Солона был разбросан по Саламину, все же тот факт, что эта история получила хоть какое-то доверие, показывает, что такое распоряжение его останками было возможным и вероятным[161]. Два столетия спустя Иссей приводит в качестве доказательства полной несостоятельности притязаний Хариада на имущество Никострата тот факт, что он не кремировал тело покойного и даже не собрал его кости[162]. Случай с Тимолеоном является историческим. Его останки не были сразу захоронены, а сначала были сожжены[163]. Когда Филопомен умер, спустя почти пятьдесят лет после этого, его тело постигла аналогичная участь[164]. Вероятно, следуя подобным прецедентам, философ Ликон, период деятельности которого неизвестен, оставил в своем завещании распоряжение, чтобы его одноименный наследник вместе с двумя другими лицами позаботился о расходах на его кремацию и другие обычные торжественные

мероприятия[165]. Таким образом, можно с уверенностью заключить, что погребальный костер использовался во все периоды греческой истории.

Если аналогичным образом проанализировать зафиксированные случаи ингумации, то, вопреки тем, кто принимает Лукиана так буквально[166], и вопреки другим, кто считает, что ингумация применялась только в мифический период[167], окажется, что обычай немедленного погребения существовал во все века и всегда сопутствовал кремации. Прежде всего, могилы, которые были открыты в современное время, показывают, что погребение без сожжения существовало в очень ранний период.[168]

Афиняне, которым оракул приказал взять кости Тесея и положить их в почетном месте в Афинах, были направлены к предполагаемой могиле орлом, и там они нашли гроб человека необычайных размеров, а рядом с ним лежали меч и копье.[169]

И снова красивый миф об Алкестиде будет полностью испорчен, если мы рискнем предположить, что ее тело было сожжено. Даже Лукиан, похоже, допускает исключения из своего правила, что греки всегда сжигали, когда говорит о старике, что тот "одной ногой в могиле, если не другой[170]". О том, что афиняне времен Солона иногда, по крайней мере, прибегали к погребению, свидетельствует умный аргумент, выдвинутый Солоном, и блестящий ответ Хереса в споре между Афинами и Мегарой за обладание Саламином. Солон утверждал, что остров принадлежит скорее афинянам на том основании, что "способ погребения в Саламине соответствует обычаю Афин, а не Мегары, ибо мегарцы погребают умерших лицом к востоку, а афиняне - к западу". Гереас из Мегары просит не согласиться с ним, утверждая, что мегаряне также поворачивают лица умерших к западу; более того, подобно жителям Саламиса, они кладут три или четыре трупа в одну гробницу, тогда как афиняне имеют отдельную гробницу для каждого[171]. Дальнейшее чтение показывает, что среди афинян существовал закон, который обязывал любого человека, наткнувшегося на непогребенный труп, хоронить его так, чтобы он смотрел на запад.[172]

В Спарте, вероятно, преобладал обычай ингумации, поскольку мы знаем, что Ликург приказал хоронить трупы в городе, чтобы люди привыкли к виду смерти.[173]

Мы также знаем, для конкретного случая, что спартанский полководец Павсаний был похоронен на территории перед храмом Артемиды[174]. В том же духе описывает греческий путешественник простой обычай сикионцев хоронить без надписи имени отца умершего, и мы можем предположить, что к погребению без кремации прибегали и в других государствах, помимо Афин и Спарты.[175]

Это исследование приводит к выводу, что погребение и кремация существовали на протяжении всей истории Греции бок о бок. Некий старый скряга, выбирая между этими двумя способами, предпочитает быть просто похороненным, чтобы его деньги, которые он спрятал в своем погребальном одеянии, могли отправиться с ним в мир иной[176]. Платон заставляет Сократа в одном из своих диалогов говорить так, будто он совершенно не уверен, будет ли его тело сожжено или сразу погребено[177]. Наконец, помимо свидетельств манускриптов, у нас есть неоспоримое подтверждение в том, что как в Магна-Греции, так и в самой Греции были раскопаны гробницы, в которых скелеты лежат по обе стороны от погребальных урн, что свидетельствует о том, что оба обычая имели место в одной семье.[178]

Вероятно, погребение и кремация находились у греков в некотором отношении, которого они, кажется, собираются достичь у нас. Хотя оба способа могут существовать, один из них может занимать главенствующее положение и применяться чаще. Эллина никогда

полностью не отказывались ни от одного из этих обычаев, пока под влиянием раннехристианской церкви не стали отдавать предпочтение погребению по иудейскому обычаю. В настоящее время большая часть цивилизованного мира избегает кремации, но кто может сказать, к чему это может привести, когда у нас были такие сторонники сожжения, как сэр Томас Браун, доктор Лорд и сэр Генри Томпсон? Наш великий соотечественник, Хоторн, тоже дал понять, что склоняется к сжиганию, хотя в его последнем предложении есть нотка юмора. В своих "Английских зарисовках" он, что характерно, говорит: "Среди классических мраморов я заглянул в урну, в которой когда-то хранился прах умерших людей, и дно все еще имело пепельный оттенок. Мне нравится такой способ избавления от мертвых тел, но было бы еще лучше сжигать их и развеивать пепел, вместо того чтобы накапливать его, - развеивать его по пшеничным полям или цветочным клумбам".

Большинство имеющихся у нас сведений о деталях кремации можно найти у Гомера. Этот великий бард дает некоторое представление о мелких обычаях, которые имели место вокруг погребального костра. Судя по рассказу Агамемнона, позднее прибывшего в страну теней, греки приносили в жертву Ахиллу "тучных баранов и криворогих быков", а также покрывали покойника благовониями и медом^[179]. Вместе с трупом сжигали и дорогие одежды. В пьесе Еврипида Гектор пытается утешить музу-мать Резуса, обещая сжечь вместе с усопшим воином "великолепие десяти тысяч одежд^[180]".

Этот обычай сжигать вместе с умершим одежду, наиболее почитаемую при жизни, упоминается Лукианом как одна из слабостей, которой "смертная плоть наследница^[181]". У великих воинов, таких как Эетион или Эльпенор, сжигались и доспехи^[182]. Если умерший был выдающимся полководцем, таким как Патрокл или Ахилл, все присутствующие трижды маршировали вокруг пылающего тела ^[183].

До тех пор, пока куча продолжала выбрасывать слабые отблески и пожирать труп, даже если это продолжалось всю ночь, друзья покойного не переставали возносить возлияния^[184] и взывать к его *гривам*^[185]. Перед тем как пламя полностью исчезало, на костер выливали вино, чтобы погасить огонь, и все кости, оставшиеся непогашенными, собирали вместе с остальным пеплом в сосуд и хоронили. В погребениях Патрокла и Гектора этот сосуд сделан из чистого золота, а останки грека покрыты двойным слоем жира, в то время как мягкие пурпурные одежды выполняют ту же функцию для троянцев ^[186].

Высказывались небольшие сомнения в том, было ли тело погребено на месте сожжения. В "Андрии" Теренция, где изображено греческое погребение, обе церемонии проводятся в одном месте^[187]. С другой стороны, в "Электре" Софокла Орест, чтобы обмануть свою вероломную мать, приносит ей урну, в которой, как утверждается, находится его прах после сожжения в Фокисе^[188]. Опять же, из истории известно, что после кремации Филопомена его останки были возвращены в город в триумфальной процессии^[189]. Так что, в целом, вполне вероятно, что римский поэт смешал обычаи римлян с обычаями греков. Возможно, он был неточно информирован по этому вопросу. Погребение, вероятно, происходило совсем в другой части, чем та, в которой сжигали тело.

VIII. КОФЕЙНИ.

Многочисленные раскопки и тщательное изучение греческих могил современными учеными позволили с большой точностью определить материалы, из которых изготавливались гробы, а также различные стили гробов, гробниц и памятников, использовавшихся в Древней Элладе.

Ранние гробы обычно делались из обожженной глины[190], но авторы сообщают нам, что в случае с теми афинянами, которые пали в бою и чьи тела не были найдены, в качестве кенотафов были похоронены сундуки из кипарисового дерева[191]. Каменные гробы, вероятно, использовались и греками. Сохранились следы письма к Платону от двух его друзей, в котором они говорят о таком погребальном камне, найденном в Ассосе, в Лидии[192]. Старший Плиний упоминает этот камень Асоса, называемый *саркофагом*, или пожирателем плоти. Причиной его названия он называет тот факт, что "в течение сорока дней он, как известно, непременно поглощает тела, помещенные в него, кожу, плоть, кости и все остальное, кроме зубов[193]."

Гробы из обожженной глины были грубой формы, как и следовало ожидать от такого грубого материала. Одним из самых древних видов гробов был тот, в который Дионис, согласно басне, положил все смертное прекрасной Ариадны. Это грубое приспособление состояло из трех плоских пластин глины, образующих нечто вроде треугольной призмы[194], так что этот гроб жены бога вина должен был быть таким же живописным и стройным, как кусок канализационной трубы. Иногда, однако, эти гончарные гробы были очень богато украшены. Они были расписаны яркими красками[195], с изображениями листьев лилии и пальм, цветущего аканта и лотоса, с венками, арабесками и сложными ажурными узорами.

В более поздний период стороны треугольника приобрели изогнутую форму. Сечение гроба стало представлять собой сферический треугольник, а сам гроб стал более сложным и прочным. Штакельберг дает очень подробное описание конструкции этого стиля вместе с иллюстрацией[196]. На нижнем слое изогнутой черепицы покоятся кости покойного, по бокам - двойные слои черепицы, с одним сверху. Две вертикальные плитки закрывают торцы. Еще один образец, представляющий большой интерес, - гроб ребенка, найденный в Афинах Штакельбергом в начале нынешнего века. Он имеет эллиптическую форму и похож на подвижную ванну. В этом гробу было найдено много утвари, упакованной вместе со скелетом. Они будут описаны далее .[197]

IX. ГРОБЫ.

Что касается самих гробниц, то недавние раскопки позволили нам ознакомиться с их конструкцией и разновидностями. Куманудис[198], греческий археолог, ныне живущий в Афинах, перечисляет восемь различных типов гробниц. Его классификация в некоторых отношениях слишком подробна. Для всех практических целей существовало четыре вида

гробниц, отличавшихся друг от друга общей формой. Они были известны как (а) *стелы* или валы, (б) *кионы* или колонны, (в) *трапеции* или гробницы с квадратным сечением, и (г) *наидии* [heroia] или храмоподобные сооружения. Были также гробницы, которые представляли собой просто кучи земли. Эти курганы, однако, не были малозначительными, поскольку там можно было продемонстрировать щедрые расходы. Гробница Алятта, отца Крёза, согласно Геродоту[199], имела шесть стадий в окружности, то есть около двух третей мили. Он был полностью сделан из земли, за исключением основания, сложенного из больших камней, и, по словам Геродота, являлся памятником искусства, не уступающим ни одному из памятников египтян и вавилонян. Эта масса была собрана купцами, рабочими и молодыми женщинами, которые получали свои деньги сомнительным способом. На многих белых лецитациях видно, что курган превышает рост изображенных на нем людей[200]. В диалоге Лукиана[201] Гермес и Харон с вершин Парнаса и Оэты, нагроможденных одна на другую, созерцают мир, и то, что привлекает их внимание на кладбищах больших городов, - это кучи земли, столбы и погребальные пирамиды.

Собственно *стелы* представляли собой каменные плиты, стоящие вертикально в земле. Часто они были сделаны из мрамора[202]. По форме они часто напоминали маленькую часовню, и обычно были цельными, верхняя часть называлась *эпитемой*[203]. Эпитема иногда была закруглена, как черепица, а иногда имела форму фронтона. Последняя форма треугольной арки наводила на мысль о религиозном предназначении и воздании божественных почестей умершим, поскольку такой фронтон принадлежал дому божества. Обычно он украшался листьями аканта, сработанными в арабески, очень похожие на те, что были на гробах[204]. Стела воина, найденная в аттическом демоне Икарии во время раскопок Американской школы в феврале 1888 года, представляла значительный интерес для археологов[205]. Каменная плита была разбита на три части, но при сравнении с известной стелой Аристиона (найденной в 1838 году) оказалось, что икарыйский рельеф очень близко соответствует более древнему памятнику. Икарыйская стела, когда она была завершена, должна была быть около восьми футов в высоту и около полутора футов в ширину у основания, слегка сужаясь по мере подъема. На ней изображен воин в доспехах, держащий в руках копье. Есть неоспоримые доказательства того, что детали рельефа были раскрашены. Стела Лисея (найдена в 1839 году) имела однородную поверхность, на которой был изображен Лисей, задрапированный в длинный гиматий и занятый возлиянием.

Стелы и гробницы часто украшались рельефами, детали которых, вероятно, дорабатывались росписью. Форма, напоминающая часовню, была удобна для художника при вырезании рельефа, так как это позволяло создать отступающий фон, а фигуры выглядели как находящиеся внутри часовни или храма.

Излюбленным сюжетом было идеалистическое изображение сцены умирания[206]. Указывается также род занятий умершего: на могиле рыцаря, павшего при Лектре, рельефно вырезан всадник[207]; на могиле атлета видна его фигура со стригилем и собакой[208]; тот, кто брал призы за декламацию, музыку, метание мяча и кольца, изображен со свитком, лирой, мячом и кольцом[209]. Недавно было обнаружено множество подобных резб и росписей. Павсаний упоминает об этом обычае украшать гробницы и называет картину в Сикионе, на памятнике Ксенодике, умершей при родах, особенно достойной внимания.[210]

Многие надгробные памятники, очевидно, предназначались для общего применения, поскольку надпись иногда не соответствует рельефу во всех отношениях, но другие сцены были написаны для конкретных случаев, по которым они были установлены. К этому

последнему классу, должно быть, относится памятник в Афинах[211], где фигуры героического размера, изображающие юношу в полном расцвете сил ранней молодости, сопровождаемого стариком, опирающимся на трость. В руке юноши - крепкая булава, у его ног спит слуга, а собака бдительно следит за ним. Здесь нет надписи, сообщающей о том, кому посвящен этот памятник, и какой художник оставил это замечательное свидетельство своего гения и мастерства, но тема решена с удивительной энергией и изяществом.

Сирена - привычная фигура на надгробии в одиночку или в паре, означающая, что своей песней она постоянно оплакивает мертвых и утешает живых. На небольшом надгробии в Берлинском музее изображена дама, занимающаяся своим туалетом с помощью служанки, а над ними две сирены, одна из которых играет на лире, а другая - на флейте.

Очень часто изображенная сцена символизирует разлуку умершего с родственниками, которые скорбно стоят рядом. Для грека смерть имела торжественное достоинство, и это чувство находит свое выражение в этих рельефах, где покойный изображен сидящим и более крупным, чем остальные члены группы. Ближайший родственник прощается с сидящей фигурой, сжимая руки. В тех частностях, которые были упомянуты, сцена во всех случаях почти одинакова, но в других деталях вносится большое разнообразие. Так, муж держит за руку уходящую жену, сестра стоит рядом, а служанка в длинных рукавах стоит за креслом, опираясь рукой на его спинку, как бы готовая оказать немедленную услугу. Снова мать уходит от своей маленькой дочери и в момент ухода нежно обнимает ребенка и печально склоняется над ним. Слуга, как обычно, стоит позади умершей. В другой сцене младенец на руках одного из членов группы указывает на тот печальный случай в семейной истории, когда молодая мать умерла во время или около родов. В этой группе также сохранилась рука и длинный рукав слуги. На всех этих изображениях, если речь идет о даме, она изображена держащей свою вуаль в необычайно изящной манере, которая встречается так часто, что наводит на мысль о символе отъезда.

На некоторых памятниках изображены сцены повседневной домашней жизни или дамы, занятой своим туалетом. На рельефе, найденном в Афинах, изображена какая-то трапеза или пир. Бородатый мужчина откинулся на кушетку и держит в руке тарелку или блюдо, у его ног сидит жена, рядом - обнаженный виночерпий. У изголовья кушетки стоит друг, а под ним лежит собака.

Лецит был нередкой формой погребального памятника. Скульптор в этом случае делал вазу колоссальных размеров и украшал ее любопытными сценами. На одной из них изображен Гермес Психопомп, уводящий прекрасную фигуру в страну теней. Форма некоторых памятников и надписи на них указывают на то, что они имели двойное назначение и, помимо того, что были памятниками умершим, являлись вотивными подношениями усопшим, которые стали объектами поклонения.

В связи с этим будет полезно упомянуть об активном споре, который разгорелся между различными археологами по поводу интерпретации изображений праздников на могильных памятниках, рельефах и изображениях. Наиболее вероятным представляется объяснение, что центральные фигуры - это не божества[212], а умерший, получающий пищу, которая ему необходима как после смерти, так и при жизни, что патера или кубок с вином протягивается для принятия возлияния или пищи, что лошадь и собака - это образы тех верных домашних животных, польза от которых на Елисейских полях была бы столь же велика, как и при жизни. Гранат в руке пирующего подтверждает мнение, что он - умерший смертный: этот плод приличествует умершим по аналогии с Персефоной, которую бог нижнего мира хитростью склонил вкушать гранат и после этого она уже никогда не смогла полностью вернуться на

верхний свет. Присутствие змеи объяснить сложнее, хотя случай с большой змеей, обвившейся вокруг тела Клеомена в Египте и отгонявшей хищных птиц, может помочь прояснить эту загадку. Плутарх рассказывает, что некоторые александрийцы, ужаснувшись при виде змеи, вцепившейся в тело Клеомена, указали на то, что как у быков после смерти появляются пчелы, а у лошадей - осы, так и человеческое тело, разлагаясь, превращается в змей. Жена покойного сидит, потому что лежащая поза за столом была свойственна мужчинам и никогда не принималась скромной женщиной.

Второй вид гробниц, *кион* или колонна, был очень стройным, с двойным основанием и ионическим рифлением на вершине. На некоторых лецифах изображены фигуры друзей усопшего, которые пришли в *кион*, чтобы оказать различные услуги. Предметы, которые можно увидеть в их руках, разнообразны, в основном это подношения умершему, хотя некоторые из них являются предметами, необходимыми для совершения погребальных обрядов, а другие - предметами туалета.

Третье подразделение гробниц - это так называемые *трапеции*. Именно гробница этого вида была использована для обозначения места упокоения оратора Исократ и его ближайших[213] родственников. Вероятно, именно этот стиль гробниц Цицерон называл *mensa*, расходы на которую Деметрий Фалерей ограничил .[214]

Херум, или четвертый отдел гробниц, обладал многими чертами греческого храма, с которыми знаком каждый изучающий искусство или литературу. Внушительный фасад всегда присутствовал, даже когда другие части отсутствовали, так как ситуация не позволяла тщательно развивать остальную часть экстерьера. Сооружение, которое современные люди объединили под названием "часовня", имеет самое близкое сходство с *херумом*. Действительно, *херум* отличался от многих небольших храмов только тем, что его проем был обращен на запад, в то время как вход в храм смотрел в противоположном направлении .[215]

В этом отношении существует заметная разница между египетскими и греческими гробницами. В великом некрополе древних египтян в Мемфисе и Фивах двери, внешние надписи и антаблементы гробниц почти без исключения смотрят на восток; в то время как в Абидосе гробницы часто обращены на юг; но ни в одном из этих мест они не открываются на запад[216] . Такое расположение отверстий настолько распространено, что Шампольон и другие авторы, пишущие на эту тему, сделали этот факт основой для тщательно продуманной "ассимиляции" между жизнью человека и карьерой солнца, заявляя, что мертвый жаждет лучей, которые осветят его ночь и выведут из долгого сна[217] . Соответственно, его помещают так, чтобы он ловил первые лучи утра или в полдень созерцал полную силу бога дня.

Герои, должно быть, были очень многочисленны в Греции. На это указывает глава из истории Пелопоннесской войны[218] . С древнейших времен афиняне привыкли жить в деревне, и до времен Тесея Аттика была занята независимыми городами, каждый из которых имел своего царя. Так, во время Пелопоннесской войны, когда Архидам, спартанский царь, подошел к Афинам, примерно в 430 году до н. э., Перикл посоветовал афинянам, жившим за стенами, перенести свои семьи и имущество в город. Они последовали совету Перикла, но город был переполнен, и, поскольку у них не было крова, они были вынуждены, за редким исключением, поселиться в храмах и *гераклеях*.

Греки очень гордились этими тщательно продуманными памятниками, напоминавшими миру о добродетелях их предков и родственников, и эти усыпальницы передавались из поколения

в поколение как наследство, которое наследник должен был передать, будучи принятым в них .[219]

Однако, как правило, эти *гробницы* воздвигались в память о каком-то великом человеке в тот период, когда смерть приносила неопределенность и туманность взгляда, преувеличивавшего его достижения до героических масштабов. Тесеум был ярким примером такого памятника. Здесь, как считалось, покоились кости Тесея после того, как их привезли в Афины, и здесь же находилось общее убежище для преступников[220] , бежавших от наказания за свои проступки. Одна из этих гробниц была воздвигнута над останками Лика[221] ; а некий Германик, *дидаскалос* или школьный учитель, видимо, приобрел настолько большую известность, что в его честь был построен *герум* .[222]

Целая семья часто была похоронена в одном *геруме*. Известен случай, когда мужчина купил одну из этих храмовых гробниц для себя, своей жены и ребенка[223] ; а в III веке одна богатая женщина, вероятно, из Феры, оставила по завещанию три тысячи драхм, почти шестьсот долларов, на возведение *герума* (который она называет *музеем*) в честь себя, своего мужа и двух сыновей. Она распорядилась, чтобы в течение трех дней в каждом году[224] им, как героям, приносились жертвы. В ранний период, когда Афины находились под властью Кекропса, погребения были простыми и недорогими, но вскоре после эпохи Солона на гробницы стали тратить такие огромные суммы, что был принят закон, призванный ограничить эти расходы. Цицерон говорит, что сложность могилы ограничивалась тем, что десять человек могли сделать за три дня[225] ; но Платон, предписывая предел, который должен соблюдаться, утверждает, как уже говорилось, что она должна быть только такой высоты, какую пять человек могли построить за пять дней[226] . Платон добавил бы еще одно ограничение, что ни один каменный памятник не должен быть построен больше, чем для того, чтобы вместить четыре гексаметра в честь умершего[226]. Однако, судя по многочисленным литературным свидетельствам, есть основания полагать, что предложение Платона не было принято. Диогитон, который делал все возможное, чтобы обмануть своих подопечных, тратя на их нужды как можно меньше, купил памятник для их отца за двадцать четыре *мины* (около пятисот долларов). По-видимому, это считалось скупой суммой для такой цели[227] . С другой стороны, гробница, которую Формий воздвиг в честь своей жены, обошлась ему более чем в два таланта, что составляет более двух тысяч пятисот долларов[228] . В память об Исократе был воздвигнут памятник высотой сорок пять футов, на котором стояла сирена высотой десять футов с половиной, олицетворявшая его красноречие .[229]

Именно такие траты заставили Деметрия Фалерия в начале четвертого века до Рождества Христова предпринять еще одну попытку обуздать погребальную экстравагантность. Он попытался установить предел для новых гробниц, запретив, чтобы любая гробница, кроме *киона*, была высотой более четырех с половиной футов, и назначив специального чиновника, отвечающего за это дело, но все его усилия оказались тщетными .[230]

Надпись, которая высекалась на гробнице, содержала, как и прежде, имя и несколько сведений о жизни усопшего. В дополнение к этим сведениям греки в более поздний период иногда излагали проклятие тому, кто осмелится каким-либо образом осквернить могилу. Хотя в настоящее время к этой своеобразной защите места последнего упокоения у нас не прибегают , прошло всего несколько столетий с тех пор, как этот обычай был нередким в Англии. Поучительно будет сравнить одно из древних эллинских проклятий со знаменитой надписью на могиле Шекспира, составленной, возможно, самим бардом. Англичанин написал:

"Добрый друг, ради Иисуса Христа, не позволяй,
Копать пыль, заключенную в сердце;
Да будет благословен тот, кто сохранит эти камни,
И пусть проклят тот, кто сдвинет мои кости".

Это несколько более лаконично, хотя и не так остроумно, как некоторые греческие надписи, одна из которых гласит следующее:

"Я призываю на стражу этой гробницы низших богов, Плутона, Деметру, Персефону и всех остальных. Если кто-либо опустошит ее, откроет или каким-либо образом нарушит ее, сам или с помощью кого-либо, пусть его путь по суше будет затруднен, по морю - пусть он подвергнется буре, и его будут всячески сбивать с толку и гонять. Пусть его постигнет любая болезнь, озноб и лихорадка, ремиттирующая и интермиттирующая, а также самые отвратительные кожные заболевания. Все вредное и разрушительное в жизни да обрушится на того, кто осмелится вынести что-либо из этой гробницы[231]."

С другой стороны, некоторые греческие гробницы, как и гробница английского поэта, содержат также всевозможные благословения и пожелания отсутствия зла для него и его потомков, которые могут охранять гробницу и совершать жертвоприношения и другие обычные обряды .[232]

Чтобы убедиться, что никто не потревожит кости, в завещаниях иногда оставляли указания, чтобы за могилой наследодателя следили рабы .[233]

Эти надписи, если они содержали столь подробные проклятия, как представленные выше, должны были быть довольно обширными. В некоторых государствах Греции надписи были очень короткими. Сицилийцы на колоннах, которые они воздвигали в честь умерших, обычно помещали имя усопшего, не указывая его родословную, но призывая прохожих пожелать добра его останкам[234]. Ликург не разрешал спартанцам писать на гробнице имя умершего, если только он не пал в бою; а если умерший был женщиной, то только если она не умерла на каком-нибудь священном посту .[235]

В Афинах найдены памятники, посвященные умершим детям, и похоже, что эта честь оказывалась без учета возраста умершего. Была обнаружена гробница с надписью, посвященной семилетнему ребенку, который потерялся на горе[236]. Две другие эпитафии посвящены детям, которым было всего два года, когда "болезнь прервала их жизнь[237]."

Если бы мы все еще владели книгой Диодора, или, по мнению некоторых, Гелиодора, озаглавленной "О памятниках", она, несомненно, оказалась бы источником информации. Плутарх ссылается на него, чтобы определить места захоронения Фемистокла[238] и Гиперида .[239]

В гробницу вместе с телом покойного клали различные сосуды и безделушки. В гробу, найденном в Саме, находились два небольших *лакриматора* из необожженной глины; мензурка для вина; *киликс* - сосуд для возлияний; *прохос* - кувшин с двумя ручками, в котором обычно держали чистое вино или воду; алебастровая шкатулка для драгоценностей, называемая *килихне*, и крышка вакхического зеркала[240]. В детском гробу, о котором уже

говорились[241] , находилось одиннадцать различных сосудов и четыре глиняных изображения *Геи Олимпии* в сидячей позе. Среди сосудов были три *лецита*, два больших *котила*, один маленький *котиль*, служивший для улавливания крови жертвы, приносимой в жертву, лампа, *диота* и что-то вроде детской игрушки .[242]

Кроме этих сосудов, были найдены гробницы, в которых в качестве содержимого фигурировали всевозможные украшения: золотые перстни с гранатами, золотые кольца для ушей причудливой формы, сердоликовые кольца. В некоторых гробницах найдены венки из лавра, дуба, оливы или мирта, иногда переплетенные с золотом; латунная пряжка с аллегорическим изображением Купидона в палестре, золотой пояс, женские статуэтки, фигурки Персефоны и Гекаты, статуэтка жрицы Додоны с голубем на плече, зеркала с медными ручками и спинками .[243]

Этот обычай погребения ценностей вместе с покойником был очень древним. Когда Агесилай вскрыл так называемую могилу Алкмены , внутри были обнаружены небольшой медный браслет и два кувшина с окаменевшей землей. Эта могила, должно быть, была вырыта в очень древние времена, так как внутри были найдены латунные таблички, исписанные непонятными символами .[244]

Эта практика захоронения различных предметов вместе с умершими, должно быть, продолжалась в течение всего лучшего периода развития искусства в Греции. Об этом свидетельствует мастерство изготовления ваз, которые были эксгумированы. Многие из них отличаются высочайшим качеством и художественным совершенством. Однако этот обычай угас еще до христианской эры, поскольку колонисты, которых Цезарь отправил восстанавливать Коринф, при разборе руин и вскрытии могил наткнулись на произведения из керамики и латуни, мастерство которых вызвало огромное восхищение, а сосуды охотно продавались по баснословным ценам как диковинки .[245]

Похоже, что в Афинах не было единого места, выбранного для расположения всех гробниц, за исключением тех, кто умер в бедности. Тех афинян, которые не оставили после себя ни земли, ни денег, хоронили на общественном кладбище. Это место находилось за пределами города[246] на одной из дорог к Пейрею[247] . Итонские ворота, через которые выносили тела нищих, назывались "могильными воротами[248] ". Люди более богатых сословий, когда они владели участком земли, часто распоряжались, чтобы их хоронили там; поэтому случалось, что в одном месте не было большого скопления могил. В одной из ораций Демосфена говорится, что каменотёс приходит в дом, чтобы достроить могилу на соседнем поле[249] . Чаще всего могилы строились на обочине какой-нибудь проезжей дороги, где прохожие могли наблюдать за памятником. Из надписи на гробнице ребенка мы узнаем, что "родители со скорбью похоронили ее на перекрестке трех дорог[250] ." Квадратные гробницы Исократа и его родственников, о которых мы уже рассказывали, находились возле Киносирга, большой тренировочной площадки[251] , а Фукидид был похоронен в семейной усыпальнице Кимона[252] , недалеко от Мелитских ворот .[253]

Место погребения, как можно предположить, принадлежало исключительно семье, и посторонним запрещалось хоронить там по какому-то общепринятому закону афинян[254] . Этот закон, а также закон, согласно которому разрушение гробницы считалось преступлением, Цицерон приписывает Солону[255] . Соответственно, исходя из того, что человек был похоронен в гробнице определенной семьи, ораторы иногда доказывали его родство с этой семьей, чтобы установить связь с каким-либо прямым потомком. Таким способом Демосфен пытался доказать происхождение Эвбулидов от Бусела[256] , и таким же образом доказывал суду гражданство Эвкситея[254].

В самые ранние времена причиной выбора прежнего места жительства умершего в качестве места погребения было то, что покойный мог быть рядом со своей семьей[257]. Однако позже во многих государствах были приняты законы, запрещающие погребение в черте города. На Делосе после 425 г. до н. э. афиняне очистили весь остров от уже погребенных там людей и повелели впредь перевозить все трупы на прилегающий маленький остров Рене[257]. Среди сикионцев существовал древний закон, запрещающий погребение в пределах городских стен, и он соблюдался настолько религиозно, что даже когда умер великий Аратус, жители не решались похоронить его в городе, пока не получили специальное разрешение от дельфийского оракула[258]. Афиняне настолько тщательно следили за соблюдением буквы аналогичного закона, что даже кенотафы погибших в бою возводили в красивом предместье города[259] на дороге, ведущей к Академии.[260]

Мотивом этих государств, требовавших погребения за стенами, несомненно, было желание избежать ритуального загрязнения, которое должно было возникнуть из-за близости трупов.

Возможно, как это было в Древнем Риме, влияние на санитарное состояние города сделало желательным удаление места захоронения[261]. Само существование таких законов указывает на то, что горожане должны были в какой-то момент ощутить на себе плохое влияние захоронений в пределах города.

Однако были штаты, которые по разным причинам предпочитали, чтобы захоронения происходили в стенах города. Так было в Спарте, где мы, естественно, должны были ожидать найти прямо противоположные законы. Ликург даже разрешил спартанцам возводить гробницы рядом с храмами. Это он сделал для того, чтобы обезопасить могилы от насилия врагов[262], и чтобы, то же время, приучить молодежь к этому зрелищу с младенчества, чтобы у них не было ужаса перед смертью[263]. А тарентинцы, следуя оракулу, хоронили всех своих мертвецов внутри стен в части города, расположенной на востоке[264]. Мегарейцы также имели в своем городе усыпальницы тех, кто пал в войне с медянами, а также героический памятник под названием Эсимниум. Происхождение этого обычая было следующим: Эсимн, посланный в Дельфы, чтобы спросить у оракула, что должны делать мегарейцы, чтобы быть счастливыми, ответил, что это возможно, если их "собрать вместе". Они истолковали это как погребение своих мертвых в одном месте, и, соответственно, основали новое кладбище в городе.[265]

Х. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК.

В течение всех дней подготовки к погребению и тех, когда усопший был похоронен, его родственники, то ли одолеваемые скорбью, то ли связанные устоями того времени, постились. Это воздержание имело обычные последствия, и к тому времени, когда останки близкого человека были преданы земле, его ближайшие родственники были почти готовы упасть в обморок от голода. Чтобы они больше не мучились и чтобы друзья могли их утешить, греки учредили *перидейпнон*, или погребальный пир[266]. На этом пиршестве хозяином

считался умерший, и оно рассматривалось как выражение благодарности товарищам за их любезность при его погребении[267]. Поскольку обязанность ближайшего оставшегося в живых родственника состояла в том, чтобы обеспечить все обычные похороны[268], то, как правило, это развлечение устраивалось в его доме[269]. Когда встал вопрос о погребальном пире в честь Патрокла, Ахилл, будучи в то время его ближайшим другом, готовится к нему в собственном шатре. *Перидеипнон* по всем, кто погиб за Грецию в катастрофической битве при Херонее, проходил в доме оратора Демосфена. Это было сделано по той причине, как он сам утверждает, что хотя каждый из них был ближе к своему роду, чем оратор, однако ни один другой человек не был так близок к ним в целом.[270]

Перидеипнон был началом серии праздников или церемоний, целью которых было питание умерших в их новом состоянии[271]. У некоторых других ранних народов, а также у греков существовало убеждение, что те, кто пережил смену смерти, все еще нуждаются в еде и питье, и долг живых - удовлетворить желание этой природы к пропитанию. Древние индусы верили, что на праздниках *маны* их предков садились за стол рядом с живыми и наслаждались яствами, поставленными перед ними. Греки, по-видимому, придерживались того же мнения и следовали тому же обычаю. Эти обряды надолго пережили верования, породившие их соблюдение. Обеспечение умерших материальной пищей считалось не только обязанностью, но и средством умиловления их доброй воли.

Считалось, что если погребальные трапезы не продолжались через частые промежутки времени, духи становились злыми и выходили из могил, что блуждающие тени можно было услышать в тихой ночи, упрекая оставшихся в нечестивой небрежности, и что они стремились наказать своих восставших родственников болезнями и неплодородностью почвы, пока не возобновится пренебрегаемый пост.

Греки имели обыкновение рассказывать на этих праздниках о всех достоинствах усопшего, но, в отличие от современных представлений о некрологе и эпитафии, не допускали никаких преувеличений и приукрашиваний, так как считалось нечестивым лгать в таких случаях[272]. Именно из этого обычая представлять умершего в лучшем свете возник сарказм, применяемый к плохим персонажам: "Тебя не похвалили бы даже на твоих похоронах[273].". На этом ужине все фрагменты, которые могли случайно упасть со стола, всегда посвящались *манам* усопших[274]. Пифагор, имея в виду, вероятно, веру в то, что все, что упало на пол, принадлежит мертвым, строго запретил своим ученикам подбирать частицы, которые они могли уронить во время любого из своих пиршеств.[275]

XI. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ У МОГИЛЫ.

Последним этапом, или, скорее, этапами, в церемонии погребения была череда жертвоприношений, которые совершались в честь покойного на его могиле. Никто, кроме родственников, не допускался к этим жертвоприношениям, поскольку человек, посетивший чужую гробницу, подозревался в намерении украсть кости в суеверных целях[276]. Это жертвоприношение мертвым отличалось у эллинов от обычных жертвоприношений богам

особым словом. Слово, обозначавшее этот вид жертвоприношения, было *enagisma*, а идея, заложенная в нем, может быть лучше всего передана на английский язык словом "очищение[277]". *Энагисма*, по-видимому, делилась, в соответствии с ее характером, на два вида жертвоприношений, а именно: *хоэ*, или "возлияние", и *хаймакурия*, или "жертвоприношение крови". *Жертвоприношение хоэ*, или более мягкая форма, состояло из возлияния воды, молока или вина, а также подношения оливок, меда и венков из цветов, "отпрысков всепроизводящей земли[277]". На *хаймакурии*, напротив, перед возлиянием вина было принято заклать черного барана [278] или черного быка[279]. Однако это кровавое жертвоприношение, вероятно, использовалось только тогда, когда жертвовали в честь нескольких мужчин. Например, воины, убитые в Беотии при защите Греции от Мардония, в годовщину каждого года совершали эту церемонию на их могилах в присутствии архонта и жителей Платеи[279]. По закону Солона, телки в качестве жертв были запрещены на этих торжествах.[280]

Однако постепенно жертвы становились все дороже и дороже, пока в некоторых случаях не устраивался регулярный пир, который сжигался в огне. В одном из греческих диалогов, дошедших до нас, старый паромщик Харон, попавший в верхний мир, чтобы ознакомиться с обычаями людей, выражает свое удивление по поводу этих умиловительных жертвоприношений. "Зачем же, - говорит он, - они венчают эти камни и умащают их благовониями? Зачем они складывают погребальные костры перед могилами, сжигают эти дорогие пиры и льют вино и смесь меда с водой в эту траншею[281]?"

Жертвоприношения у гроба совершались в определенные дни. Во время первой из этих церемоний, называемой *trita*, поскольку она приходилась на третий день[282] после погребения, для трупа выносился обед[283]. Вслед за этим третичным жертвоприношением следовало другое, *энната*, на девятый день. Это жертвоприношение на девятый день, поскольку Эсхин говорит о нем так, как будто оно единственное, которое следует рассматривать[284], и поскольку Исайя упоминает о больших расходах, связанных с ним[285], было, вероятно, более важным, чем другие. Неясно, в чем заключалась эта процедура, поскольку она не указана ни в одном из греческих источников; но, если можно положиться на описание римского автора, это был обычный банкет, приготовленный для умершего[286]. *Энната* у афинян, поскольку мы не находим упоминаний о чем-либо еще у наших древних писателей, вероятно, завершала обычные церемонии. Аргивяне разнообразили эти обряды, опустив *trita* и *ennata*, и заменив их жертвоприношением в первый и тридцатый день. По их обычаю, потеряв одного из своих родственников или друзей, они сразу же приносили жертву Аполлону, а через тридцать дней - Гермесу[287]. Спартанцы же, всегда умеренные во всех своих страстях, ограничились одним жертвоприношением на двенадцатый день Церере, после чего перестали внешне скорбеть[288]. Однако у афинян завершение траурных мероприятий отнюдь не заканчивало все обычаи скорбящего. Однако тридцатый день, по-видимому, был в Афинах пределом для публичных проявлений[289]. Любое подобие счастья со стороны скорбящего до этого времени категорически не одобрялось. Эсхин выдвигает серьезное обвинение против Демосфена, когда порицает его за то, что он принес жертвы благодарения за смерть Филиппа, когда его дочь была мертва всего семь дней[290]. У Евфилета, обычного афинского гражданина, подозрения в неверности жены усилились и подтвердились, потому что однажды, когда ее брат не прожил и тридцати дней, он обнаружил ее с накрашенными щеками.[291]

Из предметов, которые использовались в жертвоприношениях и службах у гробницы, корзина, служащая для переноса подношений к колонне, всегда находится в руках

женщины. Она всегда одинакова по виду, длинная, без крышки и неглубокая. Эта корзина часто упоминается в описаниях религиозных церемоний[292], где она называется *kanoun*, *kanes* и *kaniskion*. Она встречается как на барельефах, так и на вазах. Девушки, которые несут подношения в Панафинеях, называются *canephorae*[293] от названия этой корзины.

Ларец, который женщины держат на картинах, обычно представляет собой четырехугольный ящик с плоской крышкой, иногда с маленькими выступающими ножками для опоры. В этой шкатулке иногда хранится драгоценное подношение, например, золотая статуэтка или лира из слоновой кости.[294]

Вазы, из всех аксессуаров похорон, наиболее разнообразны по форме и назначению. *Гидрия* использовалась для смешивания жидкостей для погребальных возлияний, *энохоэ* и *прохоэ* содержали чистое вино или воду, *фиал* был своего рода мелкой тарелкой, используемой для возлияний, *флемохе* - ваза, имеющая форму верха (обод, помещенный внутрь этой вазы, удерживал твердую часть содержимого и позволял выливать только чистую часть жидкости), *алабастрон* и *арибалла* содержали масло, которое лили на каменную колонну для помазания и благоухания, как если бы это был сам умерший.[295]

Трапеза, приготовленная для умершего, была представлена в двух формах: (а) фрукты или пироги, помещенные в корзину, (б) возлияние, возливаемое на ступени столба. Трудно определить природу этих фруктов или этой пищи. Единственное, что нам известно, - это росписи на вазах, а сходство яйца с гранатом настолько близко, что объект на картине можно принять за любой из них. Очертания торта не совсем ясны, хотя, несомненно, имеется в виду медовый торт, *мелиттута*. Этот торт упоминается Аристофаном[296], он состоял из муки и меда. Для возлияний использовали воду, чистое вино или молоко, а иногда жидкость, приготовленную из меда[297]. На упомянутых рисунках нет изображений ни возлияний крови, ни холокоста жертв, которые встречаются у авторов.

За редким исключением, корзину с подношениями несут женщины, и именно женщины связывают ленты вокруг столба и устанавливают короны на основание. Их жесты в целом более спокойны и размеренны в церемониях у могилы, чем в *протезах*. Некоторые из них, однако, все еще видят, как они подносят руки к голове, как бы вырывая волосы, но их обычная поза спокойна. В них меньше выражения скорби, чем религиозного уважения и меланхоличной покорности. Однако один из жестов, похоже, означает нечто большее, чем смутное сожаление и благоговение. На некоторых картинах изображенные персонажи протягивают руки к гробнице или поднимают их к лицу, сводя вместе большой и указательный пальцы, что особенно заметно. В Дрезденском музее хранится древний памятник, изображающий захват Гераклом дельфийского треножника; жрица прикрепляет к нему бандалеты; она поднимает правую руку, сжимая большой и указательный пальцы. На вазах можно найти и другие примеры этого жеста, явно ритуального.

М. Бенндорф также считает ритуальным жестом открытую руку, вытянутую в сторону столба, с ладонью, повернутой вниз. Он подкрепляет это мнение цитатой из Еврипида[298], где раб Адмета протягивает руку подобным образом. Другой стих[299] того же поэта, очевидно, намекает на этот обычай. Все эти позы, изображенные на картинах белых лецитиев, подтверждают мнение о том, что они выражают религиозное почтение, оказываемое живыми мертвым, и являлись частью погребальной церемонии.

Еще одна особенность - скорбящие протягивают руки в сторону могилы с движением, которое, кажется, указывает на то, что они разговаривают с мертвыми. Это изображения

привычного разговора, несущего формулу *adieu, chaire*, или небольшой диалог между покойным и прохожим.

Также, по-видимому, существовал обычай музицировать у подножия могилы, чтобы подбодрить умершего в его одиночестве. В качестве инструмента использовалась лира. На одной из картин изображен молодой человек, вероятно, покойный, который сидит и держит лиру, а помощники, похоже, слушают.

Так греки поступали, пока тяжелая утрата была недавней, но в обязанности оставшихся в живых всегда входило, пока длилась их жизнь, ухаживать за могилами предков. Сократ, чтобы упрекнуть сына, рассердившегося на мать, и внушить ему, как необходимо уважать родителей при их жизни, напоминает ему, что в государстве принято при рассмотрении кандидатов в архонты спрашивать, содержали ли они в хорошем состоянии могилы своих предков .[300]

Леократ, который в нарушение закона покинул Афины в критический период после битвы при Херонее, обвиняется Ликургом в том, что покинул родину, пренебрег религией своей страны и забросил могилы своих предков[301] . Исократ обратился к афинскому сознанию с трогательным призывом, представив платейцев в таком упадке, что их не осталось достаточно, чтобы ухаживать за могилами тех, кто защищал Грецию от персов. После этого мастерского удара афинянам ничего не оставалось, как начать войну с нечестивыми фиванцами, которые так безжалостно уничтожили их союзников[302] . Наконец, прислушайтесь к призыву, который Эсхил в "Персах" приписывает глашатаю перед битвой при Саламине:

"Вперед! О, сыны Греции! Сохраните свободу родной земли; уберегите от вражеской хватки ваших детей, ваших жен, храмы ваших богов предков и гробницы ваших прародителей. Теперь борьба идет за все[303] ."

XII. ДАЛЬНЕЙШИЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Помимо назначенных жертвоприношений, рядом с гробницей, очевидно, проводились и другие торжества в установленное время. Эти времена Платон эвфемистически называл "днями, о которых не следует упоминать", и он не считал правильным в это время слышать о какой-либо печали[304] . Эти последние праздники, по-видимому, состояли большей частью из возлияний в честь умерших и отмечались отказом от обычных обязанностей[305] . Один из таких траурных праздников назывался *genesia*[306] . Исходя из его очевидного происхождения, можно предположить, что это было празднование дня рождения умершего. Это предположение подкрепляется завещанием Эпикура, найденным у Диогена Лаэртца[307] , в котором он поручает своим наследникам организовать подношения *манам* отца, матери, братьев и себя, а также праздновать свой день рождения каждый год в десятое число месяца *Гамелион*. Геродот также упоминает о том, что греки, как и исседоны, ежегодно приносили жертвы за умерших. Имеет ли он в виду *генезию* или другое ежегодное жертвоприношение, известное как *некисия*, или и то и другое, точно не известно .[308]

Некисия была общим праздником для всех Афин и посвящалась всем умершим. Она состояла из тех же жертвоприношений, что и в годовщину дня рождения[309]. Кроме этих церемоний, в самые ранние времена было принято устраивать погребальные игры в честь умершего вскоре после погребения. После смерти Азана, согласно мифу, сына Аркаса, царя, от которого Аркадия получила свое название, эти игры впервые были учреждены в Греции. В его случае, вероятно, единственным состязанием были скачки[310]. Но в гомеровские времена, хотя гонки на колесницах были самыми важными, проводились также боксерский поединок, борьба, пеший бег, вооруженный бой, состязание в метании гирь, испытание в стрельбе из лука и состязание в метании копья[311]. В каждом виде состязаний были предусмотрены соответствующие призы для каждого из участников. Если игры, которые греческие вожди устраивали в память об умершем Ахиллесе, были более сложными, чем эти, как утверждает Агамемнон, то они должны были занимать много времени.[312]

Такие торжества иногда происходили и в исторический период. Плутарх рассказывает, что после смерти Тимолеона жители Сиракуз решили вечно чествовать его погребальными играми, которые должны были сопровождаться музыкальными представлениями, скачками и борьбой.[313]

Обязанностью каждого добропорядочного гражданина было посещать могилы своих умерших не только в дни, установленные для специальных служб, но и приходить туда гораздо чаще, поскольку греки верили, что покойного всегда радует присутствие его друзей по прежней жизни. По тому же принципу считалось, что умерших мучают визиты тех, кто раньше был им враждебен. Претендент на наследство Астифила заставляет Исея заявить, что, по общему мнению, присутствие его отца будет приятно покойнику, и поэтому родителя проводили в могилу, хотя он был слаб здоровьем[314]. Далее в своей речи тот же человек утверждает, что отец Астифила строго-настрого запретил отцу обвиняемого или кому-либо, связанному с ним, приближаться к его могиле[315]. Это же убеждение заставляет Тевсера запретить Одиссею прикасаться к могиле Аякса, чтобы не оскорбить умершего героя.[316]

Теперь уместно рассмотреть поведение и одежду в период траура. Как и у нас, преобладающим проявлением скорби было воздержание от всех удовольствий[317]. Адмет с плачем заявляет жене, что, когда ее не станет, он положит конец всем пирам и собраниям в своем доме, на которых они имели обыкновение взаимно наслаждаться вином, гирляндами и песнями.[318]

Другими знаками тяжелой утраты были обрезание волос и ношение черных одежд. Эти обычаи, по-видимому, появились очень рано и сохранялись на протяжении всей греческой истории. Трагические поэты свидетельствуют об их распространенности. Орест остригает волосы, а его сестра одевается в черное[319]; Елена оплакивает мужа с обоими этими знаками скорби[320]; хор размышляет о целесообразности использования знаков скорби, пока Алкестис еще витает между жизнью и смертью[321]; а Ифигения умоляет мать не оплакивать ее, отрезая локоны и облачаясь в одежды соболиного оттенка[322]. Даже в течение долгого времени после потери греками независимости сохранялись те же обычаи. Плутарх хвалил свою жену за то, что она не оскверняла себя и своих служанок и не надевала черных одежд[323]. Артемидор в своем труде о толковании снов говорит, что черное платье используется для траура[324]. Афиней считает авторитетным тот факт, что в его время скорбящий все еще полыхал головой[325]. Плутарх, по-видимому, расходится во мнениях относительно стрижки волос. Он говорит: "В случае траура у греков женщины стригут волосы, но мужчины носят их длинными, поскольку принято, чтобы мужчины, когда их не постигает горе, стригли их коротко, а женщины - чтобы они росли длинными[326]". В другом месте он заявляет, что можно лишить человека признаков траура, *остригая его волосы* и

вытирая слезы, и все равно это не принесет ему утешения[327]. Несомненно, во времена Плутарха мода изменилась, и поздние греки были склонны отращивать длинные волосы, чтобы показать свою печаль.

В основе траура лежала мысль о том, что человек выражает свое сочувствие умершему, делая себя как можно более отвратительным[325]. В ранние времена, когда греки носили бороды и длинные волосы, желаемого эффекта можно было добиться с помощью полировки, но когда римляне переняли моду на стрижки, волосы струились по шее скорбящего человека, наверное, выглядело так же странно, как сегодня в Нью-Йорке выглядел бы один из огромных ершей, которые носил Рэли. Каким бы ни был обычай в романизованную эпоху Плутарха, совершенно точно, что черные одеяния и обрезанные волосы означали тяжелую утрату на протяжении большей части истории Греции.

Возможно, подражая персам, греки в случае смерти полководца обрезают гривы и хвосты своим лошадям. Когда во время похода Мардония был убит его доверенный командир Масистий, персы изуродовали своих лошадей по этой моде[328]. После смерти прожорливого молодого Гефестиона, в результате неповиновения предписаниям своего врача, Александр, основательно воспитанный по-восточному, приказал остричь всех мулов и лошадей[329]. Не удовлетворившись этим, он должен был снести все крепостные стены соседних городов, чтобы и они имели вид обритых[330]. Аэлиан очень удачно называет эту последнюю экстравагантность "оплакиванием по обычаю варваров[331]."

Другая отличительная черта траура, принятие черных одежд, хотя обычно и указывает на фактическую тяжесть утраты, иногда использовалась до того, как утрата действительно наступила, но когда она приближалась. Так, когда невестку Лисия позвали тюрьму, где ее мужа ждала смерть, она пришла, как и подобает, в черном одеянии[332]. Именно эта афинская мода надевать черное, чтобы показать смерть родственника, придала смысл предсмертному утверждению Перикла: "Никто из моих сограждан не был вынужден через меня облачаться в соболью одежду[333]."

Белое одеяние иногда надевали в связи со смертью великого полководца или другого высокопоставленного лица. Тимолеона несли к могиле в сопровождении процессии сиракузян, увенчанных гирляндами и одетых в белое. Чистый белый[334] - это также цвет, который Платон предписывает надевать на смерть жреца.[335]

Возможно, не во всех государствах Греции, как в Афинах, было принято делать черный цвет траурным. В Спарте, возможно, из чувства враждебности к Афинам, траур был белым, о котором Сократ говорит как о "одеждах, прополосканных в воде[336]."

У греков был обычай, когда уходил из жизни добрый герой, такой как Алкестис, молиться, чтобы земля легко покоилась на смертном одре[337], а если человек не совершил ничего, кроме зла, они желали, чтобы мать-земля, как огромный ночной кошмар, пригвоздила его к земле[338]. Древние греки ушли из жизни, и, за исключением тех случаев, когда назойливая рука археолога отрывала их от окружающего мира, они многие века лежали нетронутыми на лоне земли. Пожелаем же ей и впредь покоиться в лучах добра и зла.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Aelian, Var. Hist. V. 14.

- [2] Eurip., Sup. 524.
- [3] Isoc., Plat. 416.
- [4] Isaeus, de Nicos. Her. 78.
- [5] Isae., de Phil. Her. 143.
- [6] Лисий, в Филоне 883.
- [7] Aeschines, in Tim. 40.
- [8] Hdt., 7, 133, Plat., Gorg. 516 E, и Ap., Hyb. 1450.
- [9] Плут., Them. 22.
- [10] Pausan., 4, 18, 4.
- [11] Thucyd., 1, 134.
- [12] Aeschin., in Ctes. § 245.
- [13] Симкоккс, там же.
- [14] Платон, Legg. IX., 12.
- [15] Эврип., Troad. 446.
- [16] Becker, Char. p. 401.
- [17] Филострат, Героика 7, 8, 10.
- [18] Thuc., I., 138.
- [19] Eurip., Suppl. 934-37.
- [20] Plut., Symp. 4, 2 и 3.
- [21] Артемидор, Oneirocritica, II., 9.
- [22] Артемид, там же.
- [23] Demos. in Euerg. p. 1160.
- [24] Eurip., Troad. 1137.
- [25] Харитон, de Chaerea et Callirrhoe, IV., 1, 12.
- [26] Каллимах, Epic. 18, ср. Epig. 19.
- [27] Эврип. Helen. 1241.
- [28] Харитон, IV, 1.
- [29] Тацит, Анналы, 3, 5.
- [30] Геродот, 6, 58.
- [31] Фукид. 2, 34.
- [32] Плут, Rom. Quaest. 5.

- [33] Илиада, XXIII. 166.
- [34] Одиссея, XI. 23, 50.
- [35] Плутарх, Солон § 21.
- [36] Koehler, Mittheilungen des deutschen Inst. 1. S. 143.
- [37] Пиндар, Olymp. 1, 90.
- [38] Plato, Min. p. 315.
- [39] Плутарх, Солон, 12.
- [40] Плутарх, Лус. 27.
- [41] Эврип. Несуб. v. 430. Eurip. Phoeniss. v. 1400. Гомер, Илиада, XI 453.
- [42] Лукиан, De Luctu 10. Od. XI 425 и XXIV, 295.
- [43] Seyffert, de nummis in ore defunctorum repertis, Dresden 1712. Ross, Arch. aufsatze, 1, 3, 29, 32. Stackelberg, Graeben der Hellenen. S. 42.
- [44] Pottier, Étude sur les lecythes blancs attiques, p. 49.
- [45] Аристофан, Ранея, 140.
- [46] Лукиан, Catapulus, 18.
- [47] Лукиан, De Luctu, 11.
- [48] Isaeus, de Philoctem., Her. p. 144. Isaeus, de Ciron. Her. p. 209.
- [49] Илиада, XI. v. 395.
- [50] Илиада, XXIV. v. 707-805.
- [51] Eurip., Phoeniss. 1660.
- [52] Аристоф., Эккл., 538.
- [53] Плутарх, Тимолеон, 26.
- [54] Аристоф., Лисист., 602. Аристоф., Эккл. 538. Эврип., Фенисс, 1636.
- [55] Алкифрон, Epist. 1, 36.
- [56] Аристоф., Лисист. 601.
- [57] Aristoph., Lysist. 601.
- [58] Лукиан, de Luctu, §11.
- [59] Лукиан, de Luctu, §11.
- [60] Eurip., Alcestis, 843.
- [61] Legg., 12, p. 947.
- [62] Paus., 4, 13, 1.

- [63] Платон, Legg., p. 947.
- [64] Архилох, в Plut. de Aud. Поэт 6.
- [65] Артемид, Oneirocr. II. 3.
- [66] Илиада, XVIII. 353.
- [67] Koehler, Mittheil. der deutsch., etc. I. S. 140, 255.
- [68] Aeschines, in Cets. 77.
- [69] Heydemann, Mittheil. aus Antik. S. 57.
- [70] Илиада, XXIV. 79. Одиссея, V. 265.
- [71] Музей Варвакиона Афинского, Бенндорф, S. 7.
- [72] Музей искусства и промышленности в Вене, Бенндорф, 33.
- [73] Приложение Потье.
- [74] Schol. Платон, Hipp. min. p. 368 C.
- [75] Плутарх, Аристиды §21, с. 332.
- [76] Поллукс. VIII. 146.
- [77] Aristoph., Lysist. (со схолиями), 613.
- [78] Demosth., Macart., p. 1071.
- [79] Antiphon, de Chor. p. 782.
- [80] Demosth., Macart., p. 1071.
- [81] Thucyd., 2, 34.
- [82] Xen., Mem. 1, 2, 53.
- [83] Илиада, XXIII, 71.
- [84] Евстафий ad II. VIII., 410.
- [85] Isaeus, de Philoc. Her. p. 143.
- [86] Koehler, Mittheilungen des Deutschen Archaeologischen Institutes in Athen, I. S. 140, 255.
- [87] Dumont, Peint. Ceram., p. 55.
- [88] Benndorf, Gr. u. Sicil. Vasenb. taf. I, S. 3.
- [89] Benndorf, Gr. und Sicil. Vas. taf. 17, 2, 25.
- [90] Benndorf, Gr. und Sicil. Vas. taf. 33, V. p. 12. 5.
- [91] Антология, Греция, VII., 199, 203-206.
- [92] Ad. Aristoph., Lysist. 611.
- [93] Bos. p. 410, chap. XIX.; Herman-Blümner, p. 364, §39; St. John, p. 416.

- [94] Eustath. ad Il. XIX. 212.
- [95] Лисий, в Эратосф. стр. 395.
- [96] Беккер, стр. 387.
- [97] Pottier, plate I.
- [98] Аристоф, Eccles. 1030.
- [99] Аристоф, Eccles. 996.
- [100] Schol. ad Plat. Hip. Min. p. 368 C.
- [101] Ar., Eccles. 1032.
- [102] Pottier, Plate p. 92.
- [103] Pottier, p. 105 и пластины в Приложениях.
- [104] Dumont, Peint. ceram., p. 55.
- [105] C. I. G. 8337 ср. 8346 K.
- [106] C. I. G. 916. Kaibel, Epigrammata Graeca, 502, 523 Pottier, p. 70. Vidal-Lablache, De tit. fun. p. 58-67.
- [107] Pollux VIII, 65. ср. Schol. ad Aristoph. Nub. 838.
- [108] Aristoph., Eccles., 1033.
- [109] Эврип., Алк. 99 и далее.
- [110] Платон, Legg. 12, 959.
- [111] Илиада XI, 395 и Илиада XXIV.
- [112] Плутарх, Тим. 39.
- [113] Платон, Legg. 12, 947.
- [114] Плут., Сол., 12 и 21.
- [115] Demos., Macart., p. 1071.
- [116] Stob., Tit. 44. 40.
- [117] Aesch., Choeeph. 20-28.
- [118] Эврип., Гекуба, 323.
- [119] Aesch., Sept. cont. Theb. 323.
- [120] De Luctu, 12.
- [121] Plut., Consol. ad ux. 3; перевод Мидгли.
- [122] Бенндорф, Gr. und Sicil. Vas. taf. 17, 1, 33. Benndorf taf. I. S. 1.
- [123] Mitchell, Hist. Anc. Sculp. p. 491.

- [124] Pottier. p. 56.
- [125] Антифон, Хореут, 34. Поллукс, VIII., 146.
- [126] Платон, Legg. 12, 959.
- [127] Каллимах, Ер. 15.
- [128] Диог. Laert., 1, 122.
- [129] Плут, Tim. 39.
- [130] Демосфен, Макарт, 1071. Theocr. 15, 132. Платон, Legg. 12, 960.
- [131] Vos. p. 414.
- [132] Илиада, XXIII., 226.
- [133] Од., XXIV., 72.
- [134] Демос., Макарт. 1071; Plato, Legg. 12, 944; Plato, Legg. 12, 960.
- [135] Платон, Легг. 12, 947.
- [136] Поллукс, VII, 195.
- [137] Соф., Электра, 1488.
- [138] Эврип., Альцестис, 607.
- [139] Плутарх, Тим. 39.
- [140] Платон, Legg. 12, 947.
- [141] Лукиан, Демон. 67.
- [142] Илиада, XXIV., 721.
- [143] Лукиан, De Luctu, 19.
- [144] Платон, Легг. 7, 800.
- [145] Гесихий, s. v. Karinai.
- [146] Поллукс, IV., 75.
- [147] Секст. Emp. adv. Матем. VI., 18.
- [148] Рауль. Rochette, p. 582.
- [149] Bilderaltas, taf. XCIV., pl. 5.
- [150] Demosth., in Macart. p. 1074.
- [151] Лисий, De Caede Erat. p. 11.
- [152] Теренций, Андрия, I., 1, 90.
- [153] Каталог коллекции М. Райе, № 26. Gaz. des B-Arts, 1878.
- [154] Annali, 1872; Monumenti, IX., tav, 39, 40.

- [155] Micali, Monumenti, &c., tav. 96.
- [156] Платон, Legg. XII. p. 947; С.; VII. 6, p. 796, С.
- [157] Плутарх, Филопомен, §21. 5.
- [158] Лукиан, De Luctu, 21.
- [159] Wachsmuth, Hellen. Alterth. II. 2. p. 79.
- [160] Плутарх, de Aud. Poet. 6.
- [161] Плутарх, Солон, 12.
- [162] Isaeus, De Nicos. Hered. p. 78.
- [163] Плутарх, Тим. 39.
- [164] Плутарх, Филоп. 21.
- [165] Diog. Laert., V. 70.
- [166] Boettiger.
- [167] Bos.
- [168] Штакельберг, пл. 7.
- [169] Плут. Thes.
- [170] Hermot. 78.
- [171] Плут., Солон 10. Ael., Var. Hist. VII, 19. Диог. Laert., 1. 48.
- [172] Ael., Var. Hist. V. 14.
- [173] Plut., Лус. 27.
- [174] Thucyd., I. 134.
- [175] Paus., 2. 7. 3.
- [176] Афиней, IV. 49.
- [177] Платон, Фаэдо. p. 115.
- [178] Штакельберг.
- [179] Odys. XXIV. 70.
- [180] Резус, 960.
- [181] Лукиан, Нигрин, 38.
- [182] Il. VI, 418. Ody. XI. 74.
- [183] Il. XXIII, 13, Ody. XXIV. 68.
- [184] Il. XXIII. 220. Лукиан, De Luctu 19.

- [185] Aesch., Choeph. 86 и 128. Il. XXIII. 222.
- [186] Il. XXIII. 250. Ил. XXIV. 791.
- [187] Андрия, I. 1, 100.
- [188] Soph., Elect., 54, 747, 1113.
- [189] Плут, Филоп. 21.
- [190] Stackelberg, Pl. 7 и 8.
- [191] Thucyd. II., 34.
- [192] Поллукс, X, 150.
- [193] Плиний, Nat. Hist. 36, 17; 2, 96.
- [194] Stackelberg, Pl. 7, No. 3.
- [195] Stackelberg, Pl. 5 и 6.
- [196] Stackelberg, Pl. 7, № 1 и 2.
- [197] Штакельберг, пл. 8. См. также *выше*, с. 62.
- [198] Cum., Attic Sepulchral Inscriptions, Prolegomena.
- [199] Геродот, 1, 93.
- [200] Benndorf, Gr. u. Sicil., Vasenb. taf. 24, 2.
- [201] Лукиан, XII, 22.
- [202] Stackelberg, Pl. 5, No. 1.
- [203] Павсаний, II., 7, 3.
- [204] Stackelberg, Pl. 5, No. 1.
- [205] Am. jour. arch. 5, p. 13.
- [206] Stackelberg, Pl. 1, № 2 и 3.
- [207] Stackelberg, Pl. 2, No. 1.
- [208] Штакельберг, пл. 2, № 2.
- [209] Штакельберг, пл. 2, No. 3.
- [210] Павсаний, II., 7, 4.
- [211] Milchhöfer, Die Museum Athens, S. 9.
- [212] Journal of Hellenic Studies, V, 105.
- [213] Plut., Dec. Orat., p. 364.
- [214] Cic., Legg. II, 26, 66.
- [215] Schol. ad Pind. Isth. 3, 110.

- [216] Perrot, Hist. de l'Art, p. 161.
- [217] Champollion, Lett. V, 185.
- [218] Thuc. II, 17.
- [219] C. I. G., 4278 (b.).
- [220] Ar., Equit. 1312. и Ar., Ran. 477.
- [221] Ar., Vesp. 829.
- [222] C. I. G., 4278 (e.)
- [223] C. I. G., 4278.
- [224] C. I. G., 2448.
- [225] Cic., Legg. II, 26.
- [226] Plat., Legg. 12, p. 959.
- [227] Лисий, в Диог. §21.
- [228] Демос. в Стефане, p. 1125.
- [229] Плут, Dec. Or. Vit., p. 364.
- [230] Cic., Legg. II, 26.
- [231] C. I. G. 916.
- [232] C. I. G. 989.
- [233] Лукиан, Nigr. 30.
- [234] Paus. 2, 7, 4.
- [235] Плут, Лус. 27.
- [236] C. I. G. 997.
- [237] C. I. G. 632 & 942.
- [238] Plut., Them. 32.
- [239] Dec. Or. Vit. p. 406.
- [240] Stklbrg. Pl. 7.
- [241] *Infra* p. 48.
- [242] Stklb. Pl. 8.
- [243] Stklb. Pls. 72-74. ср. Aristoph. Nub. 398.
- [244] Plut., de Gen. Socr. 5.
- [245] Страбон, 8, 6, 23.
- [246] Pollux, 9, Seg. 15.

- [247] Ety. Mag. at word.
- [248] Ety. Mag. at word.
- [249] In Euerg. p. 1159.
- [250] C. I. G. No. 1003.
- [251] Plut., Dec. O. V. p. 545.
- [252] Plut., Cim. 2.
- [253] Марцеллин.
- [254] Demos., in Eubul. p. 1307.
- [255] Cic. Legg. II, 26.
- [256] Demos., in Macart. 1037.
- [257] Plat. Min. p. 315.
- [258] Thucyd. III. 104.
- [259] Plut., Arat. 53.
- [260] Paus., I, 29, 4.
- [261] Фукид. II, 34.
- [262] Plut., Apoth. Lac. I. p. 954.
- [263] Plut., Лис. 27.
- [264] Polyb., VIII. 30.
- [265] Paus., I, 43, 2.
- [266] Лукиан, De Luctu, 24.
- [267] Артемид, Онейр. V, 82.
- [268] Demos., in Macart. 1071.
- [269] Demos., de Corona, p. 321.
- [270] Demos., de Corona, p. 321.
- [271] Coulanges, La cité antique, chap. II.
- [272] Cicero de Leg. II, 25.
- [273] Суидас, в этой фразе.
- [274] Athen. X, 7, p. 427.
- [275] Диог. Laert. VIII, 14.
- [276] Плут. Solon. 21.
- [277] Aesch. Pers. 615.

- [278] Paus., V. 13, 2.
- [279] Plut. Aris. 21.
- [280] Bockh. ad Pind. Olymp. 1, 90.
- [281] Lucian, Charon seu Cont. 22.
- [282] Аристоф. Lysist. 610-612.
- [283] Aristoph. Schol. ad Lysist. 612.
- [284] Aeschin. in Ctesiph. p. 617.
- [285] Isaeus, de Ciron. Her. p. 224.
- [286] Plautus, Aul., II, 4, 45.
- [287] Plut. Quaest. Gr. 24.
- [288] Plut., Lycurg. 27.
- [289] Поллукс; I, 7, 66.
- [290] Aesch. in Ctes. p. 468.
- [291] Lysias; I. p. 15.
- [292] Аристоф. Peace. 948. Еврип. Элек. 805-1142. Ахарнийцы, 241. Геракл Мех. 320.
- [293] Michaelis, Der Parthenon, taf. 12, 5; 14, 5.
- [294] P. Girard, Bull. de corr. hellen. II., p. 73.
- [295] Plut. Aris. §21.
- [296] Аристоф. Lysist., 601.
- [297] Aeschy. Pers. 615. Эврип. Iph., 160, 632. Лукиан, Шар. §32. C. I. G., No. 2248.
- [298] Алкестис, 783.
- [299] Suppliants, 782.
- [300] Xen. Mem., II, 2, 13.
- [301] Lycurg. in Leocr., p. 141.
- [302] Isoc., Plat., p. 418.
- [303] Aeschy., Pers., 408.
- [304] Legg. 7, p. 800.
- [305] Timaeus, Lex p. 41.
- [306] Гесихий, genesia.
- [307] Diog. Laert. X.
- [308] Hdt. IV, 26.

- [309] Гесихий, некий.
- [310] Paus., 8, 4.
- [311] Il. XXIII, 265-897.
- [312] Od. XXIV, 85.
- [313] Plut., Tim. 39.
- [314] Isaeus, de Astyph. Her., p. 75.
- [315] Isaeus, de Astyph. Her., p. 77.
- [316] Soph., Ajax, 1372.
- [317] Лукиан, De Luctu, 20.
- [318] Eurip., Alc. 334.
- [319] Aeschyl., Choeph. 7.
- [320] Eur., Helen. 1087.
- [321] Евр., Алк. 215.
- [322] Eur., Iphigen. Aul. 1416.
- [323] Plut. Consol. ad Ux. 4.
- [324] Артем, Онейр, II, 3.
- [325] Афиней, XV. гл. 5.
- [326] Плут, Rom. Quaest. 14.
- [327] De Superst. 7.
- [328] Hdt. 9, 24.
- [329] Plut., Alex. 72.
- [330] Плут. Пелоп., 33.
- [331] Аэлиан, Var. Hist. VII, 8.
- [332] Лисий, XIII, 40.
- [333] Плут, пер. 38.
- [334] Плут., Тим. 39.
- [335] Legg. 12, 947.
- [336] Плут., Quaest. Рим. 26.
- [337] Eur., Alc. 462.
- [338] Каллимах, Ер. 28.

Примечание транскриптора:

Пунктуация в оглавлении приведена в порядок.

Позиционирование якорей сносок было упорядочено, чтобы они предшествовали соседним знакам препинания.

Пунктуация в сносках приведена в порядок.

Орфографические и дефисные различия остались в оригинале, если не указано ниже.

- Страница 5, запятая добавлена после слова "Лондон" ("London, 1800").
- Страница 5, запятая заменена на точку после "1882" ("Freiburg, 1882.").
- Стр. 5, лишняя точка удалена в "Античном городе".
- Стр. 6, "d Athènes" заменено на "d'Athènes" ("d'Athènes et de Rome").
- Стр. 8, "varities" заменено на "varieties" ("The two varieties").
- Стр. 12, двойная кавычка добавлена после слов "исполнять обычные обязанности".
- Страница 15, лишняя кавычка удалена после слов "говорит Фукидид".
- Стр. 28, пропущенный якорь сноски вставлен после слов "двадцать дюймов и более".
- Стр. 31, точка добавлена после слов "рядом с цифрами".
- Стр. 31, "равномерно" заменено на "равномерно" ("лециты не равномерно белые").
- Стр. 37, запятая добавлена после слов "раздирая щеки".
- Стр. 38, "convential" заменено на "conventional" ("conventional sign of mourning").
- Стр. 47, лишняя кавычка удалена после слов "отдельная гробница для каждого".
- Стр. 48, "verifiation" заменено на "verification".
- Стр. 56, "typefies" заменено на "typifies" ("представленная сцена типизирует").
- Стр. 63, "abont" заменено на "about" ("о начале четвертого").
- Стр. 63, "extravagance" заменено на "extravagance" ("to check funeral extravagance").
- Стр. 64, "frend" заменено на "friend" ("Good friend, for Jesus' sake").
- Стр. 64, двойная кавычка добавлена после слов "he yt moves my bones".
- Стр. 69, пропущен якорь сноски после слов "убрать могилу".
- Стр. 77, пропущен якорь сноски, вставленный после "описания религиозных церемоний".
- Стр. 81, "mercilesly" заменено на "mercilessly" ("so mercilessly reduced their allies").
- Стр. 81, "attibutes" заменено на "attributes" ("атрибуты герольду перед битвой").
- Стр. 85, исправлен якорь сноски после слов "пусть растет долго".
- Примечание 42, "DeLuctu" заменено на "De Luctu".
- Примечание 44, "Etude" заменено на "Étude".
- Примечание 93, "Blumner" заменено на "Blümner".
- Примечание 111, "Лиад" заменено на "Илиада".
- Примечание 297, "Eschy" заменено на "Aeschy".

- Примечание 325, "Plnt." заменено на "Plut."

Оригинальные сканы этой книги можно найти [здесь](#).